

Жизнь и творчество А. А. БЛОКА

выставка в школе

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

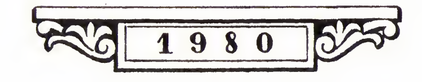
Жизнь и творчество

А. А. БЛОКА

Материалы
для выставки
в школе
и детской
библиотеке

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Начало XX века — одна из сложнейших и славных страниц истории России и русской культуры. Это эпоха трагических событий в жизни страны: гибели Цусимы, Кровавого воскресенья — 9 января 1905 года, разгрома первой русской революции и наступившей затем реакции. И в то же время это эпоха великого исторического рубежа, небывалой социальной ломки, грандиозных общественных переворотов, закончившихся Октябрем 1917 года — свержением самодержавия и созданием первого в мире социалистического государства. Это мятежное, бурное время не могло не отразиться в русском искусстве, всегда необыкновенно чутком к общественной атмосфере страны. Оно дало России гениальных художников, музыкантов, писателей — бунтарей, ниспровергателей старого миропорядка, рвущихся к новым формам общественного бытия и искусства, «к свободе, к свету». И среди величайших имен этой богатой талантами эпохи мы с гордостью, преклонением, с какой-то особенной, личной любовью называем имя Александра Блока.

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...—

эти знаменитые слова его любимого поэта — Тютчева сказаны как будто о самом Блоке. Да, он был свидетелем всех грозных и возвышенных событий первых десятилетий XX века. Поэт-лирик по преимуществу, Блок в то же время обладал обостренным чувством истории, с бесстрашной правдивостью смотрел в лицо жизни, сумел отразить в своих напряженных, страстных, пронзительно искренних стихах

Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи.

Блок прошел сложный путь — от ранней своей мистической любовной лирики до грандиозных революционных ритмов поэмы «Двенадцать» — первого произведения советской поэзии. Он создал скорбный, беспощадно-правдивый образ уходящего «страшного мира». Изысканный, мелодичнейший лирик, символист, отрешенный, казалось бы, от повседневной жизни, он пришел к пониманию новой жизни, к восторженному принятию высшего ее взлета — Октябрьской революции, стал первым поэтом молодой Советской Республики. Великое имя Александра Блока стоит у самых истоков советской литературы.

ДЕТСТВО (1880—1896)

16 ноября 1880 года в Петербурге в семье ректора университета Андрея Николаевича Бекетова у его двадцатилетней дочери Александры Андреевны Блок родился сын. Мальчика назвали гордым именем героев и поэтов: Александр.

Это была стародворянская семья высокой духовной культуры, благородная, гостеприимная и непрактичная. Глава ее, старый Бекетов,— видный ученый-ботаник. Его жена Елизавета Григорьевна — писательница, известная в свое время переводчица. Занимались переводами и их дочери, в том числе и Александра.

В старом «ректорском доме» на Васильевском острове было многолюдно и весело. К дочерям профессора собиралась молодежь, студенты, спорили, ораторствовали, танцевали, хохотали.

Всем ведомо, что в доме этом
И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Все осветят и обольют...

(«Возмездие»)

В конце 1870-х годов у Бекетовых появился новый гость — двадцатишестилетний юрист Александр Львович Блок, блестяще талантливый, одаренный острым, скептическим умом, великолепный музыкант. Он был красив и своим гордым, сумрачным, тонким лицом, как говорили вокруг, напоминал Байрона. Александр Львович произвел большое впечатление на очаровательную, кокетливую восемнадцатилетнюю Алю Бекетову. Вскоре он посватался к ней. Обвенчавшись, молодые уехали в Варшаву, где А. Л. Блок получил кафедру в университете. Казалось бы, жизнь складывалась счастливо: красивая молодая пара, блестящая будущность, ученая карьера Александра Львовича... Но все обернулось драмой. Блок оказался неуравновешенным, деспотичным, болезненно скупым человеком; на него находили приступы безумной ревности и бешеного раздражения. Этими жестокими вспышками он истязал хрупкую, нервную Александру Андреевну настолько, что она решилась расстаться с ним. Когда она вернулась в Петербург к родителям, те не узнали ее: из хорошенькой хохотушки она превратилась в измученную, молчаливую женщину. Вопреки воле мужа она осталась с родными. Здесь, в «ректорском доме», вскоре и родился ее единственный сын.

Маленького Сашу обожали все члены этой большой дружной семьи: сам дед, бабушка, прабабушка, многочисленные тети. Его баловала прислуга. Мальчик рос настоящим наследным принцем.

«Смутно помню я,— пишет Блок в «Автобиографии»,— большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками и елками — и благоуханную глушь нашей маленькой усадьбы».

Таким мы и видим его на ранних фотографиях: нежного, изящного дворянского мальчика с гордым лицом, с надменным ртом и доверчивыми, серьезными, думающими огромными глазами. Уже на детских фотографиях по этому неподвижному, взыскательному и простодушному взгляду всегда можно узнать Блока.

Дни его были наполнены играми, возней, беготней. Мальчик рос здоровым, крепеньким, очень сильным и ловким.

Сладить с ним было нелегко. Если он начинал капризничать, упрямиться — уговорить его не было никакой возможности. «...Изменить его наклонности, повлиять на него, воспротивиться его желанию или нежеланию было почти невозможно. Он не поддавался никакой ломке: слишком сильна была его индивидуальность, слишком глубоки его пристрастия и антипатии. Таким остался он до конца... Делать то, что ему несвойственно, было для него не только трудно или неприятно, но прямо губительно». Так пишет М. А. Бекетова, тетка Блока, первый его биограф.

Когда Сашуру называли царевичем и принцем, имели в виду не только его локоны и изысканно-тонкое лицо. Было во всем существе этого трудного, нервного мальчика какое-то врожденное благородство, прямота, простодушие. Лгать, лукавить, хитрить, жаловаться на кого-то он совершенно не умел; он был слишком гордым ребенком, чтобы унижаться до лжи. Но гордость его и в эти ранние годы никогда не имела оттенка высокомерия, самовлюбленности. Наоборот, всех покоряли его доброта, щедрость, нежность. Недаром няни в семье Бекетовых, прислуга, швейцары в «ректорском доме» — все благоволили к маленькому Саше.

На все лето Бекетовы уезжали в свое маленькое подмосковное имение Шахматово. Этот клочок земли Блок всю жизнь любил нежно и пристрастно. Любил свой дом на холме под раскидистым тополем, зубчатые полосы леса на горизонте, любил огромный простор, открывающийся с шахматовского холма: разбросанные бедные серые деревни, излучины медленной речки Лутосни. Шахматово осталось в душе поэта вечным символом России и вечной живой любовью. В черновиках поэмы «Возмездие» ему посвящено много строк:

Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор...
И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень...
И по холмам, и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи
Бегут, сбегаются к овинам
Темно-зеленые межи...
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...
И всей весенней красотою
Сияет русская земля...

Лет с шести у Саши появился интерес к поэзии. Особенно полюбил он стихи Жуковского и Полонского. «С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны»,— писал Блок в «Автобиографии».

Рано начал он увлекаться писанием: придумывал маленькие рассказы, сказки, шутливые стихи, шарады, ребусы и из всего этого составлял альбомы и журналы. Содержание этих книжек — самое наивное, совсем еще младенческое: картинки с неизменными кошками и кораблями, рассказы «Рыцарь», «Шалун», шуточные стишки вроде «Объедалы»:

Жил был Маленький коток,
Съел порядочный
Пирог.
Заболел тут животок —
Встать с постели
Кот не мог.

Конечно, нелепо по этому стихотворному ребяческому лепету делать выводы о раннем формировании таланта. Но большая интенсивность этого детского творчества несомненна.

В гимназию Саша поступил в 1890 году, когда ему еще не исполнилось десяти лет. До этого времени он жил в основном среди взрослых, почти не встречаясь с детьми. И хотя был он очень приветлив, всегда чувствовалась в нем какая-то замкнутость, углубленность в себя. Поэтому огромная толпа шумных мальчишек, вообще — «чужих», поразила его в первый же гимназический день. Много позднее он писал: «Мама привела меня в гимназию; в первый раз в жизни из уютной и тихой семьи я попал в толпу гладко остриженных и громко кричащих мальчиков; мне было невыносимо страшно чего-то, я охотно убежал бы или спрятался куда-нибудь; но в дверях класса, хотя и открытых, мне чувствовалась непереходимая черта».

Потом, конечно, он привык к гимназическому обиходу, однако со сверстниками был далек. Вообще гимназия почти не оставила следа в его жизни.

Блок долго — до 17—18 лет — в сущности, оставался большим ребенком, огражденным от опытов «грубой жизни», житейской трезвой взрослости тепличной домашней атмосферой. И в то же время необычность, интеллигентность, духовность семьи сыграли громадную роль в формировании его как личности и как поэта. Особенно сильна была близость между Блоком и его матерью. С младенчества Саша относился к своей «капельке», «крошечке», «маме-мамисельке» с трогательной ласковостью. Но и позднее, когда он превратился в подростка, в юношу, привязанность его к матери не только не уменьшилась, но стала глубже, сознательнее. В творчестве взрослого Блока очень заметны следы влияния личности, вкусов, убеждений Александры Андреевны. Отношения ее и Блока — возвышенный пример нежной привязанности, доверия и глубочайшей внутренней связи между матерью и сыном.

Рассказывать о детстве гения вообще трудно. Однако, вглядываясь в то немногое, что известно о детских годах Блока, мы ощущаем какой-то необыкновенный «консерватизм», устойчивость его внутреннего облика. Менялась его жизнь, его вкусы, его убеждения. Но духовная основа оставалась почти неизменной: слишком велика была ее сила и стойкость. Все черты, которые мы наблюдаем в характере маленького Сашуры,— от самых значительных до мелочей — сохраняются у взрослого Блока. Та же стоическая правдивость, гордость, детское простодушие; то же изысканное душевное благородство, повышенная нервная эмоциональность, глубина восприятий при видимом спокойствии; та же страстная привязанность к матери; та же любовь к лирике Жуковского и Полонского; все — даже нежность к зверям, пристрастие к кораблям, способность к физическому труду,— все эти человеческие свойства Блока «родом из детства».

«ANTE LUCEM»[1] (1897—1900)

Шли годы. Блок взрослел; взрослели его журналы; взрослели его стихи. Около четырнадцати лет он начал выпускать рукописный журнал «Вестник». Здесь Саша помещал переводы из античных и европейских классиков и самостоятельные приключенческие романы с продолжением, очерки с описаниями природы, баллады, лирические стихи и даже популярные научные статьи.

Стихи Блока постепенно становились сознательным творчеством, лирическим дневником впечатлительного, углубленного в себя подростка. Они еще откровенно подражательны. В них явственно чувствуются отзвуки музыкальной и утонченной лирики кумиров юного Блока — Жуковского, Полонского, Фета.

Летом 1897 года в жизни шестнадцатилетнего мальчика произошло серьезное событие: на немецком курорте Бад-Наугейм, где Блок отдыхал вместе с матерью, он познакомился с красивой, уже не очень молодой женщиной Ксенией Михайловной Садовской. «Это была высокая, статная, темноволосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами,— так описывает ее Бекетова.— Была она малороссиянка, и ее красота, щегольские туалеты и смелое, завлекательное кокетство сильно действовали на юношеское воображение... Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил ее восторженной, идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти».

Влюбленность гимназиста была замечена всеми: она вызывала снисходительные улыбки у взрослых (впрочем, у матери — тревогу и ревность). Но это юношеское чувство было гораздо сильнее и одухотвореннее, чем думали окружающие. Оно оставило глубокий след в душе и в поэзии Блока. Влюбленность довольно скоро прошла, но сердечная память о ней осталась на всю жизнь. В 1909—1910 годах он создает один из лучших своих любовных циклов — «Через двенадцать лет», где сквозь туман времени вновь проступает давний, незабвенный «синий призрак».

Все, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

Так всегда было с Блоком: впечатления, глубоко врезавшиеся в его сердце, оставались на всю жизнь, могли долго, до времени, таиться на дне сознания и потом вдруг вспыхивали и превращались в поэзию, в стихи.

30 мая 1898 года Блок окончил гимназию. А 31 августа он поступил («довольно бессознательно», как сам потом признавался) на юридический факультет Петербургского университета. Скоро он понял, что юриспруденция ему совершенно чужда, и перешел на филологический факультет, который закончил в 1906 году. Надо сказать, что хотя большого следа университет не оставил в его жизни, все же он дал ему солидное систематическое филологическое образование, навыки исследовательского труда. Кандидатское сочинение Блока о русских просветителях XVIII века Болотове и Новикове вызвало пылкое одобрение профессора И. А. Шляпкина. И впоследствии Блок не раз обращался к научной работе и выполнял ее всегда с блеском.

Одним из самых страстных увлечений юноши был театр. Знаменательно, что в семейной анкете на вопрос: «Чем я хотел бы быть» — шестнадцатилетний Блок отвечает: «Артистом императорских театров». Он боготворит премьеров тогдашней петербургской сцены Далматова, Дальского, Савину. Он и сам увлекается декламацией, в своем родном Шахматове перед немногочисленными зрителями пылко произносит монологи

[1] Перед светом.

Ромео и Гамлета. Благоговейное отношение к Шекспиру, появившееся в эти годы, Блок тоже сохранил на всю жизнь.

Летом 1898 года он участвует в любительских спектаклях в имении Боблово. Эта усадьба, принадлежащая Д. И. Менделееву, другу и университетскому коллеге А. Н. Бекетова, находилась в нескольких верстах от Шахматова. Вот как много позднее, летом 1921 года, перед самой смертью, в набросках поэмы «Возмездие» написал Блок о своем первом приезде в Боблово: «Долго он объезжал окрестные холмы и поля, и уже давно его внимание было привлечено зубчатой полосой леса на гребне холма на горизонте. Под этой полосой, на крутом спуске с холма, лежала деревня. Он поехал туда *весной*, и уже солнце было на закате, когда он въехал в старую березовую рощу под холмом... вдруг — дорожка в лесу, он сворачивает, заставляя лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная незнакомая даль, а сбоку — фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблони — он перестает быть мальчиком».

Александр Блок увидел шестнадцатилетнюю дочь Менделеева Любу и полюбил ее на всю жизнь.

В Боблове было много веселой молодежи. Там тоже увлекались театром, тоже мечтали поставить спектакль. Блок сразу же предложил взяться за «Гамлета» — на меньшее он не соглашался. Он играл самого вечно печального принца, а Люба Менделеева — Офелию. Играли в сенном сарае. Перед спектаклем очень волновались. Много лет спустя Любовь Дмитриевна вспоминала:

«Мы были уже в костюмах Гамлета и Офелии, в гриме. Я чувствовала себя смелее. Венок, сноп полевых цветов, распущенный напоказ всем плащ золотых волос, падающий ниже колен... Блок в черном берете, колете, со шпагой. Мы сидели за кулисами в полутайне, пока готовили сцену... Мы говорили о чем-то более личном, чем всегда, а главное, жуткое: я не бежала, я смотрела в глаза, мы были вместе, мы были ближе, чем слова разговора... Даже руки наши не встретились, и смотрели мы прямо перед собой. И было нам шестнадцать и семнадцать лет». «Мы были еще в мире того разговора, и было не страшно, когда прямо перед нами в широком небосводе медленно прочертил путь большой, сияющий голубизною метеор».

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?

(*«Тебя скрывали туманы...», 1902*)

Гамлет и Офелия — вот они на старых фотографиях. «У обоих удивительные лица,— пишет поэтесса Н. А. Павлович.— Никогда, ни в каком девичьем лице я не видела такого выражения невинности, какое было у нее. Это полудетское, чуть скуластое, некрасивое по чертам лицо было прекрасно. А его лицо — это лицо человека, увидевшего небесное виденье».

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья.
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

И через многие, многие мятежные, безумные годы, несмотря на все свои увлечения другими женщинами, уставший, трагически измученный жизнью Блок в минуты тоски и одиночества вновь и вновь будет звать на помощь свою Единственную, свою Милую, свою Офелию.

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

(1914)

И вновь и вновь будет вспоминать тот счастливый, розовый, юношеский сон.

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листы, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

(1912)

С лета 1898 года начинается тот стихотворный поток, который дает начало циклу «Стихов о Прекрасной Даме» — этому лирическому взлету молодого Блока, океану любовных гимнов, обращенных к Л. Д. Менделеевой. В юношеских стихах 1898—1899 годов еще преддверие этого цикла («Ante Lucem»— «Перед светом» — назвал Блок позднее эти свои ранние стихи), но в них уже звучит его мелодия — молитвенное поклонение любимой.

Талант молодого поэта крепнет от стихотворения к стихотворению. В них все явственнее можно различать будущего Блока, его голос — один из самых дорогих, завораживающих голосов в русской поэзии.

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крути́тся желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

(1900)

В ранних стихах Блок очень резко говорит о своем индивидуализме, о чуждости мелкой суете человеческих стремлений, о презрении к черни.

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...

В «Автобиографии» Блок вспоминал о том, как он, двадцатилетний студент, принес редактору журнала «Мир божий» В. П. Острогорскому стихи, навеянные картинами Васнецова, изображающими Сирина, Алконоста и Гамаюна — вещих птиц древнерусских легенд. Общественно настроенный редактор отнесся к его «безыдейным» стихам, по словам Блока, «со свирепым добродушием», сказав: «Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься *этим*, когда в университете бог знает что творится!» Но либеральный редактор оказался чрезвычайно недальновиден и глух к поэзии: ведь стихи эти лишь внешне могли показаться далекими от современных тогдашних событий. На самом деле они — о жизни, о времени, о России; только говорят они об этом крупно, отвлеченно, символически. Незадолго до трагических событий начала века — русско-японской войны, Цусимы, 9 Января — написано пророческое стихотворение «Гамаюн, птица вещая»:

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,

Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

«СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ» (1901—1902)

Роман Александра Александровича с Любовью Дмитриевной Менделеевой развивался напряженно и нервно. Блок то терзался ревностью, мучился от суровой холодности благовоспитанной Любы, то переходил к экзальтированному поклонению идеалу, воплотившемуся для него в этой золотоволосой, румяной, спокойной и радостной девушке. Наконец 7 ноября 1902 года после студенческого бала в Дворянском собрании они объяснились. В тот же день он записал в дневнике: «Сегодня 7 ноября 1902 года совершилось то, чего никогда еще не было, чего я ждал четыре года». 17 августа 1903 года в селе Тараканове, лежащем между Шахматовом и Бобловом, в старинной белой церкви над рекой была сыграна свадьба — старозаветная, помещичья, торжественная, с патриархальными поздравлениями старой няни и окрестных крестьян, с букетами и разукрашенными тройками.

Так было в жизни. А рядом с жизнью шли его стихи, одно за другим, день за днем — как дневник, как исповедь. Создавалась книга стихов о великой любви, о Прекрасной Даме. Реальные перипетии реального романа — ревность, холодность, встречи, тоска, экстаз благоговения — все переносилось в иной план, претворялось в стихи. Они были сложны, туманны, высокомерно закрыты для непосвященных. Но сквозь всю их туманность и усложненную символику просвечивали конкретные события. Тем, кто знает жизнь Блока, понятны многие таинственные иносказания этих стихов. Так, когда он говорит о своей милой:

Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

или:

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему,—

мы понимаем: речь идет о Боблове. Ведь и сейчас, если смотреть в ясный день с дороги, ведущей из Шахматова, на горизонте виден холм, покрытый зубчатым лесом: там было имение Менделеевых.

А вот совершенно, казалось бы, непонятное стихотворение:

Пять изгибов сокровенных
Добрых линий на земле,
К ним причастные во мгле
Пять стенаний вдохновенных.

В дневнике 1918 года Блок написал комментарий к этим стихам: «...Я встретил Любовь Дмитриевну на Васильевском острове... Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на курсы по 6-й линии, Среднему проспекту — до 10-й линии, я же, не замеченный Ею, следовал позади... Отсюда появились «пять изгибов»... Мне хотелось ЗАПЕЧАТАТЬ мою тайну, вследствие чего я написал зашифрованное стихотворение, где пять изгибов линий означали те улицы, по которым она проходила...»

Перед самым объяснением, 5 ноября 1902 года, Блок писал:

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

(«Дома растут, как желанья...»)

Мы знаем, что в роковую ночь объяснения у Блока в кармане была записка, в которой он писал о намерении убить себя, если Любовь Дмитриевна не согласится стать его женой.

Все это так — у «Стихов о Прекрасной Даме» есть жизненная основа. Но жизненные факты претворены здесь в поэзию, возвышены до обобщений, до символов. В любой обыденной мелочи поэт видит знамение, присутствие высшего, тайного смысла:

Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дальнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Эти строки «Вступления» можно низвести до простого быта: Бобловская гора; вечер; он приезжает к Менделеевым и встречает обычный прием Любови Дмитриевны — холодный, отчужденный. Но можно — и нужно! — понять их совсем по-другому: из всей груды ежедневного, обычного, хотя и чрезвычайно важного лично для него, он творит высшую красоту и тайну. И простой усадебный дом превращается в сказочный строгий терем с недоступной тайной, преграждающей его порог для непосвященных.

Всматриваясь в жизнь, Блок ищет ее скрытый смысл, ее душу, ее второй план — духовный, мистический.

Это литературно-художественное направление — символизм — зародилось во Франции в 80-х годах прошлого века. Оно имело своих пылких сторонников и в России на рубеже нового века, когда формировался талант Блока. Уже выступило со своими новыми творческими требованиями первое, старшее поколение русских символистов: Н. М. Минский, М. Д. Мережковский, В. Я. Брюсов, З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб. Протестуя против бескрылого, фотографически-точного, натуралистического изображения жизни, они провозгласили центром искусства символ. В каждом конкретном жизненном предмете или явлении они видели нечто неизмеримо большее, чем просто данный в опыте факт, нечто сверхчувственное, говорящее о сокровенной, тайной душе мира. Символисты стремились сквозь повседневную, будничную реальность проникнуть в «запредельную сущность бытия». Это идеальное начало мира недоступно, по их теории, обычному рационалистическому познанию. Оно открывается только посвященным, только людям — художникам, поэтам, музыкантам,— озаренным мистическим прозрением, интуитивно проникающим в тайные глубины мира.

Необходимо признать, что, несмотря на свою идеалистическую сущность, символизм во многом был шагом вперед в литературе — как протест против уныло-фактографических, мелкотравчатых произведений, наводнивших русскую литературу в конце XIX века. Его стремление к огромным, мировым обобщениям («Только о великом стоит думать»,— писал Блок в 1907 г.), вера в искусство как в средство поэтического преображения жизни, тончайшая одухотворенная музыкальность — все это позволяет считать символизм значительным явлением русской литературы XX века.

И не случайно молодой, ищущий, устремленный вперед, ко всему новому, Блок становится горячим сторонником нового направления. Конечно, впоследствии он перерос рамки символистской эстетики — ибо гениальный художник не может развиваться лишь в тесных пределах единой заданной системы. Однако первый период блоковского творчества и мироощущения теснейшим образом связан с идеями символистов.

Блок в это время находился под огромным влиянием идеалистического учения Владимира Соловьева — предтечи русского символизма — известного философа, талантливого поэта, религиозного публициста и критика. Дуалистическое учение Соловьева признает двойственную природу всего сущего: внешний, видимый мир, согласно этой философии,— только бледное отражение того высшего, духовного мира, который открывается лишь немногим, лишь посвященным.

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Молодой Блок воспринимает от Соловьева не только эту веру в высший смысл мира, но и надежду на скорое избавление его от зла, от греха. Избавительницу мира Блок, вслед за Соловьевым, видит в мудрой Мировой Душе, воплощенной в женском начале — Вечной Женственности. В воображении Блока возвышенные функции Вечной Женственности, Спаси-

тельницы мира воплощаются в его вполне реальной невесте — Любе Менделеевой. Она для него — не просто любимая. Она — Светлая, Вечная, Царевна, Хранительница-Дева, Несравненная Дама. Таков ее идеальный образ в блоковской ранней лирике. И любовь к ней — не просто земное, пусть и огромное чувство, но озарение, приобщение к высшему смыслу мира.

Ныне, полный блаженства,
Перед божьим чертогом
Жду прекрасного ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжалься, о боже,
Над блаженным рабом!
Вышли ангела, боже,
С нежно-белым крылом!

А объяснение в любви и ее согласие — величайшее космическое событие, от которого зависят судьбы мира:

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

(«Я их хранил в приделе Иоанна...», 1902)

Предчувствия, которыми пронизаны все стихи этого цикла,— не просто предчувствия счастья, ответа на любовь, но ожидание чуда.

И нам недолго любоваться
На эти, здешние, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальные миры.

Эти предчувствия, при всей их отвлеченной религиозной сущности, полны живой страсти, напряженной тревоги, ликования, юношеской экзальтации.

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду,— *тоскуя и любя.*

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли...

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

В лучших стихах цикла нет холодного рационализма. Мы воспринимаем их как прекрасное одухотворенное человеческое чувство, устремленное к идеалу. Это великое чувство ясно, чисто и строго. А ощущение предчувствий и надежд полно неясного, весеннего очарования.

«Стихи о Прекрасной Даме» пронизаны духом музыки. Мелодия здесь всевластна. Вслушаемся в эти певучие, медлительные, тревожные ритмы:

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

...Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Иногда вдруг среди этого певучего потока возникают мужественные, чеканные, строгие строки, напоминающие нам о будущем, зрелом Блоке:

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветов весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

В это время к Блоку пришла известность. Свои ранние опыты он показывал очень немногим, главным образом матери. Постепенно круг его читателей стал расширяться. Вскоре о блоковских стихах узнал тоже начинающий поэт Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) — глава молодых московских мистиков, увлеченных философией Владимира Соловьева. Родственница Блоков О. М. Соловьева, тонкая ценительница новой поэзии, писала матери Блока из Москвы: «Сашины стихи произвели необыкновенное, трудноописуемое, удивительное, громадное впечатление на Борю Бугаева (Андрей Белый), мнением которого мы все очень дорожим и которого считаем самым понимающим из всех, кого мы знаем». Блок с Белым, еще не знакомые друг с другом лично, вступают в переписку, длящуюся несколько лет — экзальтированную, со взаимными уверениями в духовной близости, в братстве, в верности идеям Соловьева.

В таком же восторге от блоковской поэзии был и совсем еще юный Сергей Соловьев, племянник философа, друг Белого. «В 1902 году в Москве,— вспоминает Андрей Белый,— образовался кружок (небольшой) горячих ценителей Блока; стихотворения, получаемые Соловьевыми, старательно переписывал я и читал их друзьям и университетским товарищам; стихотворения эти уже начинали ходить по рукам; так молва о поэзии Блока предшествовала появлению Блока в печати».

Постепенно Блок входит в литературный мир. Он знакомится с крупнейшим поэтом-символистом Валерием Брюсовым, со столпами петербургской мистической поэзии и философии Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус.

Весной 1903 года происходит литературный дебют Блока: несколько его стихотворений были напечатаны в религиозно-философском журнале «Новый путь», издаваемом Мережковским, в «Литературно-художественном сборнике» студентов Петербургского университета и в альманахе «Северные цветы». А в октябре 1904 года в московском издательстве «Гриф» выходит первая книга Блока — «Стихи о Прекрасной Даме» (помечена 1905 годом).

В этом же знаменательном 1904 году Блок наконец лично познакомился с Андреем Белым. Это был, несомненно, одареннейший человек: философ, поэт, прозаик, замечательный исследователь стиха, филолог, блестящий, острый полемист — он уже в эти ранние годы пользовался большим уважением и популярностью в среде символистов. Его ослепительные многочасовые импровизации в кругу единомышленников — московских мистиков и в петербургском салоне Зинаиды Гиппиус никого не оставляли равнодушными, были ошеломляюще парадоксальны, обладали какой-то гипнотической силой внушения, убежденности. Совсем еще молодым Белый выдвинулся как один из вождей новой литературной школы, как теоретик и страстный приверженец символизма.

Дружба Блока, Белого и С. Соловьева казалась незыблемой. Друзья, «секта блоковцев», как они себя в шутку называли, видели в Блоке своего идеологического вождя. Белый вспоминает: «...Нам ... нужно было иметь «знамя зари» — и им был для нас Александр Александрович». А «Прекрасную Даму» — Л. Д. Менделееву-Блок — восторженные «блоковцы» провозгласили земным воплощением мечты Владимира Соловьева — Вечной Женственности, призванной спасти мир от тьмы. Очень интересна знаменательная фотография: А. Белый и С. Соловьев сняты около стола, на котором лежит Библия и — как иконы — стоят портреты Владимира Соловьева и Л. Д. Менделеевой.

«РАСПУТЬЯ» (1903—1906)

А между тем в стихах Блока все явственнее начинала звучать тревога, неуверенность, какое-то еще очень неясное стремление вырваться, разорвать путы светлой мечты, прекрасной, но уводящей от действительности.

В жизни России надвигались грозные события...

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

(«Возмездие»)

Блок, как все великие поэты, обладал пророческим даром; его поэзия была той самой вещей птицей Гамаюн, о которой он писал. Его душа, «как стрелка сейсмографа», по его выражению, чувствовала самые отдаленные толчки в жизни страны. «...Что везде неблагополучно, что катастрофа близка, что ужас при дверях,— это я знал очень давно, знал еще перед первой революцией...» — писал он в 1919 году.

Как ни далеки «Стихи о Прекрасной Даме» от общественных интересов, жизнь России, жизнь Мира, надвигающиеся громадные события отразились и в этих любовно-мистических стихах, в их напряженной, тревожной, весенней мелодии ожидания. И поистине символично, что осенью 1902 года, когда уже подходит к концу период «Стихов о Прекрасной Даме», Блок написал:

Блаженный, забытый в пустыне,
Ищу небывалых распятий.
Молюсь небывалой богине —
Владыке исчезнувших ратей.

Ищу тишины и безлюдий,
Питаюсь одною травой.
Истерзанный, с язвой кровавой,
Когда-нибудь выйду к вам, люди!

И вот он вышел к людям, увидел их — погруженных в будничные заботы, усталых, печальных, измученных.

Они войдут и разбредутся,
Навалят нá спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

(«Фабрика», 1903)

В лирике Блока возникают ноты щемящей жалости к униженным и оскорбленным — того святого чувства, которое сделало русскую литературу самой человечной, самой совестливой литературой в мире.

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль,
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

Знаменитую «Фабрику» Блок включает в цикл «Распутья». В тот же цикл входит стихотворение с неожиданным для Блока репортерским названием: «Из газет» — грустная и поблоковски недосказанная повесть о женщине, сломленной жизнью и легшей на рельсы.

Немного позднее в стихотворении «Холодный день», обращенном к жене, поэт очень точно скажет об этом пути своей лирики: от возвышенной мечты о нездешних мирах — к жизни, к ее скорбям и заботам.

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

Но Блок увидел не только страдания народа. Он увидел и его простую, красивую и веселую силу, с тоской и надеждой потянулся к ней:

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Всходит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далеко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Трагический день 9 января 1905 года — Кровавое воскресенье — Блок пережил со смятением, ужасом и гневом. Ненависть к тупой, бездарной и жестокой власти, «восторг мятежа» росли в душе поэта. Революцию 1905 года он принял восторженно. «...С этой зимы,— пишет Бекетова,— равнодушие Александра Александровича к окружающей жизни сменилось живым интересом ко всему происходящему. Он следил за ходом революции, за настроением рабочих...» Целыми днями он бродил по городу, жадно всматривался в окружающее. Современники вспоминали, что он нес красное знамя в одной из рабочих демонстраций.

Вскоре произошло знакомство Блока с Горьким. Они принадлежали к совершенно различным литературным группировкам (символизм — реализм) и, казалось, были чуждыми друг другу. Но Блок сразу же выделил Горького из современных литераторов. «Сегодня из всего многолюдного собрания мне понравился только Максим Горький, простой, кроткий, честный и грустный...» — написал он Белому 3 января 1906 года. А в статье «О реалистах» (1907 г.) он сказал о творчестве Горького с большим уважением и доверием.

«Нечаянная радость» — так назвал Блок свой второй сборник, вышедший в конце 1906 года. В статье «Краски и слова» (1905 г.) Блок пишет: «...Живая и населенная многими породами существ природа — мстит пренебрегающим ее далями и ее красками — не символическими и не мистическими, а изумительными в своей простоте. Кому еще неизвестны иные существа, населяющие леса, поля и болотца... тот должен учиться смотреть».

Эта живая, клубящаяся, радостная, веселая жизнь глядит во все глаза со страниц нового сборника. И в «Стихах о Прекрасной Даме» есть природа. Но она возвышенно-чиста, отвлеченна, бесплотна. А здесь — все очарование, вся неуловимая прелесть родной болотистой, бедной, мокрой, весенней земли: речные излучины, красные вечерние зори, зеленый свет ночных светляков...

И еще вошел в стихи Блока город, Петербург, вошел навсегда — тревожный, таинственный, любимый и ненавидимый, прекрасный и страшный, поэтичный и низменный. Демократические, совершенно некрасовские, будничные интонации вдруг начинают звучать у гордого символиста Блока.

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе...

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора...

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

(«В октябре», 1906)

В блоковских петербургских стихах звучит мелодия шарманки — простенькая, сентиментальная, мещанская, вдруг заканчивающаяся пронзительной нотой, плачущей о человеческой беде.

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

(«На чердаке», 1906)

Но Блок не был бы Блоком, если бы его Петербург был только таким — недобрым, холодным городом чердаков и дворовых колодцев. Блоковский город, при всей его конкретности, таинствен и прекрасен. «Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни...» — писал он в предисловии к сборнику «Нечаянная радость». Блок умеет городской быт, прозу, обыденность приподнять до высот одухотворенной поэзии, увидеть в блеске обычных уличных витрин сверкание солнца.

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Все закатом залито...

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

Блок вышел в жизнь. Он простился с Прекрасной Дамой, со своей мечтой, простился благоговейно и скорбно.

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копья заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Мечта была светла и прекрасна — но она была мечтой, иллюзией; жизнь в клочья растерзала ее безмятежную лазурь. И Блок, художник беспощадной, горестной искренности, должен был сказать об этом, как бы горько ему это ни было. И он сказал: он создал лирическую драму «Балаганчик» (1906 г.).

В стилистике «Балаганчика» несколько слоев. Иногда это злая пародия. Таково начало пьесы, где действуют «мистики обоего пола — в сюртуках и модных платьях», которые многозначительно и таинственно вещают:

П е р в ы й м и с т и к
Ты слушаешь?
В т о р о й м и с т и к
Да.
Т р е т и й м и с т и к
Наступит событие.

П ь е р о
О, вечный ужас, вечный мрак!
П е р в ы й м и с т и к
Ты ждешь?
В т о р о й м и с т и к
Я жду.
Т р е т и й м и с т и к
Уж близко прибытие...

ЗА ОКНОМ НАМ ВЕТЕР ПОДАЛ ЗНАК.

Любопытно, что бывшие «блоковцы», «московские мистики», сразу приняли эту пародию на свой счет. «...Какова ж была его злость,— писал позднее о С. Соловьеве Белый,— когда в шедевре идиотизма (слова его), иль в «Балаганчике», себя узнал «мистиком»...— Нет, каков лгун, каков клеветник! — облегчал душу он». А сам Белый в одном из писем к Блоку гневно обличал «изменника» идеи «Прекрасной Дамы»: «Я Тебя предостерегаю — куда Ты идешь? Опомнись!..»

Но основное настроение пьесы — не язвительная насмешка, а щемящее слияние горькой иронии над самим собой и печали. Одинокий смешной мечтатель Пьеро, безнадежно влюбленный в Коломбину, оплакивает ускользнувшую от него подругу, ту, которую он считал такой прекрасной и светлой и которая оказалась просто «картонной подругой», куклой.

И мы пели на улице сонной:
«Ах, какая стряслась беда!»
А вверху — над подругой картонной —
Высоко зеленела звезда.

«Мне очень грустно. А вам смешно?» — спрашивает печальный Пьеро в финале пьесы. Ирония «Балаганчика» отнюдь не была веселым издевательством. Она была трагична. И она, несомненно, отражала (конечно, в обобщенном, поэтическом аспекте) реальное крушение жизненной и поэтической позиции Блока — крушение мистической веры в идеал Прекрасной Дамы.

Осенью 1906 года «Балаганчик» был поставлен в театре В. Ф. Комиссаржевской. Спектакль этот стал событием в истории русского театра начала XX века. Режиссером его был молодой В. Э. Мейерхольд, томную, изысканную музыку написал поэт и композитор М. А. Кузмин, декорации создал художник Н. Н. Сапунов. Спектакль прошел шумно, даже, пожалуй, скандально: здесь, на премьере, яростно столкнулись поборники нового, условного направления в искусстве и театральные и литературные староверы. В одной из рецензий писали: «Будто в подлинной битве кипел зрительный зал, почтенные, солидные люди готовы были вступить в рукопашную; свист и рев ненависти прерывались звонкими воплями, в которых слышались и задор, и вызов, и гнев, и отчаяние: «Блок, Сапунов, Кузмин, Мей-е-р-х-о-ль-д, о-р-а-в-о»,— неслось, будто вопли тонущих, погибающих, но не сдающихся».

С «Балаганчика», в сущности, началась для Блока слава. Это время было в его жизни одним из самых светлых и счастливых. Успех окрыляет его. Уверенно входит он в литературную жизнь России — уже не как начинающий, не как ученик, но как метр. К нему, молодому двадцатишестилетнему поэту, только что выпустившему свою первую книгу, с уважением прислушиваются видные литераторы, столпы новой поэзии. Блок становится «властителем дум» русской литературной молодежи. Он — свой на знаменитых «средах» у Вячеслава Иванова, крупного поэта и ученого, одного из вождей символизма, в доме которого собирался весь цвет петербургской интеллигенции: ученые, поэты, художники, музыканты, актеры. Блок близко и нежно дружен с молодыми литераторами — с веселым, размашистым С. М. Городецким, с В. А. Пястом, с чистейшим, правдивейшим Е. П. Ивановым.

После «Балаганчика» очень сложно и нервно складывались отношения, и литературные и личные, с недавним ближайшим другом — А. Белым. Белый не мог простить Блоку отхода от мироощущения «Стихов о Прекрасной Даме», не мог простить его тяги к писателям-реалистам, издевательски отзывался о статье Блока «О реалистах». Был момент, когда между бывшими друзьями дело чуть не дошло до дуэли. Однако все их разногласия и столкновения, порой чрезвычайно острые, оканчивались примирением. До конца жизни Блока Белый все же оставался для него своим, близким человеком.

Блок обладал редкостным, властным обаянием, и, несмотря на его молчаливость и строгость, люди тянулись к нему, чувствуя в нем мужественную силу, «ум и дух высокий», какую-то рыцарскую честность и прямоту.

Вот как описывает Блока этих лет часто встречавший его на ивановских «средах» К. И. Чуковский: «Когда я познакомился с ним, он казался несокрушимо здоровым — широкоплечий, рослый, красногубый, спокойный; и даже меланхоличность его неторопливой походки, даже тяжелая грусть его зеленоватых, неподвижных, задумчивых глаз не разрушали впечатления юношеской победительной силы, которое в те далекие годы он всякий раз производил на меня. Буйное цветение молодости чувствовалось и в его великолепных кудрях, которые каштановыми короткими прядями окружали его лоб, как венок. Никогда ни раньше, ни потом я не видел, чтобы от какого-нибудь человека так явственно, ощутимо и зримо исходил магнетизм». И дальше: «Тому, кто долго и любовно всматривался в его лицо, становилось ясно, что это лицо человека чрезмерно впечатлительного, переживающего каждое впечатление, как боль или радость... Казалось, что от каждого предмета, от каждого человека к нему идут невидимые руки, которые царапают его... Именно эта гипертрофия чувствительности сделала его великим поэтом».

В эти годы Блок почувствовал свои творческие силы, почувствовал себя мастером, уверенно владеющим своим огромным даром. Его поэзия становится все сдержаннее, строже, мужественнее; все сильнее его тяготение к четкой конкретности образов, к освобождению от декадентской туманной изощренности. Его слово приобретает прозрачную пушкинскую ясность. Уже созданы бессмертные шедевры, без которых невозможно представить его поэзию: «Клеопатра», «В голубой далекой спаленке», «Девушка пела в церковном хоре», «Осенняя воля». В 1906 году написана «Незнакомка» — гениальная баллада о творческой силе человеческого воображения, претворяющего обыденность в золото поэзии, о вечном стремлении человеческого духа ввысь, к очарованным невиданным берегам. Скучная, пыльная, огромная пошлость загородных ресторанов с сонными лакеями и «пьяницами с глазами кроликов» вдруг как бы отступает, тускнеет, и сквозь нее начинает сквозить тайна: появляется Она.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль...

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

И уже нет вокруг тоскливой и страшной обыденности — есть поэзия, есть страстный порыв к красоте — высшей, недоступной, небывалой. Но именно в этой недоступности, недостижимости «очарованной дали» — вся высокая одухотворенность стихотворения.

Великое открытие Блока в эти годы — Россия. Скоро Родина станет одной из самых главных тем его творчества. «Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь»,— скажет он вскоре. Пока еще это — непознанная, таинственная, несколько стилизованная Русь:

Ты и во сне необычайна,
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна.

(«Русь», 1906)

Но любовь к этой стране уже навсегда входит в жизнь и стихи Александра Блока.

Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

(«Осенняя воля», 1905)

В этот период Блок начинает очень интенсивно выступать как публицист. Многообразны, всегда крупны, проблемны аспекты его статей, рецензий, речей. Главная их тема, неотступно, всю жизнь стоявшая пред ним как мучительный, требующий немедленного разрешения вопрос,— тема взаимоотношения интеллигенции и народа, интеллигенции и России. Этот вопрос он решает не как ушедший от жизни, замкнувшийся в «башне из слоновой кости» декадент, но как гражданин, как человек, для которого судьба Родины — его собственное, кровное, личное дело. Та «недоступная черта», которой отделена интеллигенция от простых людей, отрыв культурной России от ее народной основы для Блока трагичны, чреваты страшными катастрофами. Единственный путь, который видит Блок,— слияние с глубиной народной души. «Гений прежде всего — народен» — вот вывод, к которому приходит Блок-публицист.

Статьи, созданные им до революции: «Безвременье», «О реалистах», «Три вопроса», «Народ и интеллигенция», «Горький о Мессине», «Памяти Врубеля», «Судьба Аполлона Григорьева» и многие другие — принадлежат к замечательным образцам публицистики начала века.

«СНЕЖНАЯ МАСКА». «ФАИНА». «ПЕСНЯ СУДЬБЫ» (1907—1908)

С осени 1906 года — с постановки «Балаганчика» — Блок стал часто бывать в театре В. Ф. Комиссаржевской на Офицерской улице.

Ему было здесь хорошо и просто. Он подружился с актерами. За кулисами, на «бумажных балах» и забавных маскарадах, среди пестрых карнавальных масок его видели веселым, по-детски шутливым, легким; а таким сумрачный Блок бывал далеко не часто и только со своими, только с близкими.

Но кроме атмосферы беззаботного веселья было для него и еще одно очарование в театре Комиссаржевской. Здесь он познакомился с артисткой Натальей Николаевной Волоховой.

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

(1906)

«Кто видел ее тогда,— пишет Бекетова...— тот знает, какое это было дивное обаяние. Высокий тонкий стан, бледное лицо, тонкие черты, черные волосы, и глаза, именно «крылатые», черные, широко открытые «маки злых очей». И еще поразительна была улыбка, сверкавшая белизной зубов, какая-то торжествующая победоносная улыбка. Кто-то сказал тогда, что ее глаза и улыбка, вспыхнув, рассекают тьму».

Много лет спустя Блок вспоминал, что тогда, в январе 1907 года, он «слепо отдался стихии». Вихрь страсти, стихов, музыки захлестнул его.

За две недели января 1907 года, «залпом», как говорил Блок, было создано около тридцати стихотворений — весь цикл «Снежная маска», посвященный Волоховой. Иногда в один день он писал по пять-шесть стихотворений.

В этой любовной лирике — «восторг мятежа», трагическая обреченность страсти, снежная, заметающая душу вьюга — любимый образ блоковской поэзии.

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружит...
Всё — виденья, всё — измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...

(1907)

Туманные, завораживающие, музыкальные стихи «Снежной маски» странны и прекрасны. Любая мелочь, незначительная житейская деталь исполнены в них утонченной поэзии. Простая пряжка с изображением змейки на платье и туфельках Волоховой претворяется в таинственный символ в мелодическом стихотворении «Сквозь винный хрусталь»:

В длинной сказке
Тайно кроясь,
Бьет условный час.

В темной маске
Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальней покрывала,
Тоньше стана нет...

— Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!

— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.

(1907)

А накладка на книжном шкафу из блоковского кабинета, изображающая амура, появляется в одном из самых пленительных стихотворений — «Под масками»:

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

(1907)

Блок, конечно, придумывал, поэтизировал реальную Н. Н. Волохову. В ней ему чудилась вольная, хмельная народная стихия, захлестывающая все условности, все преграды своей разбойной русской удалью. Образ героини «Снежной маски» и особенно цикла «Фаина», также посвященного Волоховой, ассоциируется для Блока с Россией.

Какой это танец? Каким это светом
Ты дразнишь и манишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И — вольная Русь?

(«О, что мне закатный румянец...», 1907)

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравою
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

(«Гармоника, гармоника!..», 1907)

Поэтизированный образ Волоховой — грозной, свободной, мятущейся женщины, олицетворяющей для Блока русскую национальную стихию,— в центре пьесы «Песня Судьбы» (1908 г.).

Мысли о России пронизывают произведения, посвященные Волоховой. Недаром в цикл «Фаина» Блок включил значительнейшее свое стихотворение, далеко перерастающее чисто любовную тематику — «Когда в листве сырой и ржавой...»; здесь впервые так твердо сказал он о самом главном: о своем долге перед родной печальной землей, о своей великой крестной муке во имя ее:

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте...

Несмотря на трагическую интонацию этой лирики, именно в это время создается одно из самых светлых блоковских стихотворений — мужественное д а, обращенное к жизни, со всей ее горькой и прекрасной сложностью:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!..

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

(1907)

«СТРАШНЫЙ МИР» (1908—1914)

А жизнь в России после подавления революции 1905 года становилась все мрачнее и мрачнее.

Блок тосковал. Он переживал «темную полосу убийственного опустошения». Позднее он говорил, что эти страшные годы «утомили и истрепали душу и тело».

Он каменел. Волнами накатывал мрак, холодное неверие, разъедающие душу приступы скепсиса. Его дневники и письма этих лет полны отчаянными возгласами мертвой безнадежности и страха перед жизнью: «Все опостылело, смертная тоска... Ужасное одиночество и безнадежность...» (матери, 18 июля 1908 г.). «Никогда еще не переживал я такой темной полосы, как в последний месяц — убийственного опустошения» (Г. И. Чулкову, апрель 1909 г.). «Боюсь жизни, улицы, всего, страшно остаться одному...» (Дневник, 28 мая 1912 г.). «Жестко мне, тупо, холодно, тяжко (лютый мороз на дворе)... Уехать, что ли, куда-нибудь? Куда?» (Дневник, 10 января 1913 г.).

И как итог всего — истинно русский вопль: «Совесть как мучит!» (Дневник, 23 декабря 1913 г.). В себе, в первую очередь в самом себе, казнит он черноту и скуку безверия и порока. На современников Блок всегда производил впечатление спокойствия и сдержанной силы. Однако близкие понимали, что это — лишь внешняя манера хорошо воспитанного человека. Поэт Г. И. Чулков писал: «Необыкновенно точный и аккуратный, безупречный в своих манерах и жизни, гордовежливый, загадочно-красивый, он был для людей, близко его знавших, самым растревоженным, измученным... человеком».

Е. Г. БЕКЕТОВА, БАБУШКА ПОЭТА.
Фотография. 1880-е гг.

А. Н. БЕКЕТОВ, ДЕД ПОЭТА.
Фотография. 1880-е гг.

Прекрасная семья. Гостеприимство — стародворянское, думы — светлые, чувства — простые и строгие.

Блок. Планы поэмы. 24 февр. 1911 г.

А. А. БЕКЕТОВА, МАТЬ ПОЭТА.
Фотография. 1878 г.

Е. А. БЕКЕТОВА-КРАСНОВА, ТЕТКА ПОЭТА.
Фотография. 1880-е гг.

М. А. БЕКЕТОВА, ТЕТКА ПОЭТА.
Фотография. 1880-е гг.

А. Л. БЛОК И А. А. БЛОК,
ОТЕЦ И МАТЬ ПОЭТА.
Фотография. 1879 г.

БЛОК.
Фотография. 1884 г.

Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни огражден,
Летели годы безмятежно,
Как голубой весенний сон.

Блок. «Возмездие». Наброски продолжения второй главы. 1921 г.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.
СЛЕВА — «РЕКТОРСКИЙ ДОМ».
Фотография. 1890-е гг.

ВѢСТНИКЪ

ежемѣсячный

литературный журналъ подъ-

редакціей

А. Блока.

1897

4-ый годъ изданія.

№ 1, январь.

«ВЕСТНИК»,
РУКОПИСНЫЙ ЖУРНАЛ БЛОКА.

Золотое детство, елка,
дворянское баловство,
няня, Пушкин...

Блок. Планы поэмы. «Возмездие». 1911 г.

БЛОК С ДВОЮРОДНЫМИ БРАТЬЯМИ.
Фотография. 1880-е гг.

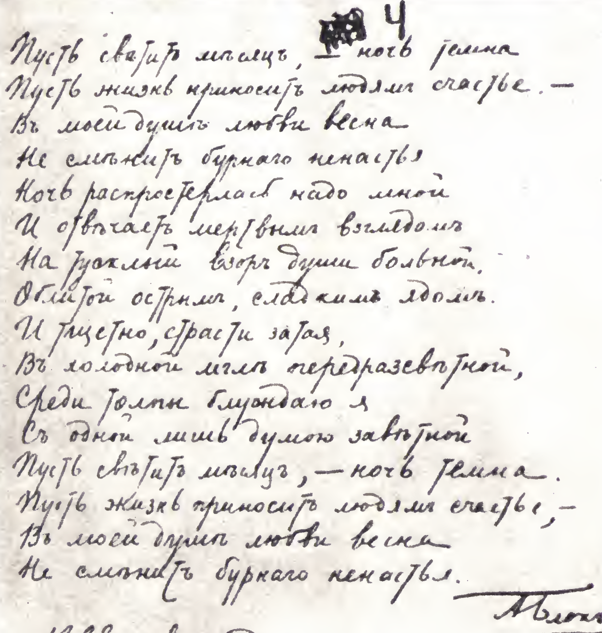

НА КРЫЛЬЦЕ
ДОМА В ШАХМАТОВЕ
(СЛЕВА НАПРАВО:
БЛОК, М. А. БЕКЕТОВА,
А. Н. БЕКЕТОВ,
А. Ф. КУБЛИЦКИЙ-ПИОТТУХ —
БРАТ ОТЧИМА ПОЭТА,
МАТЬ ПОЭТА,
Ф. Ф. КУБЛИЦКИЙ-ПИОТТУХ —
ОТЧИМ ПОЭТА).
Фотография. 1894 г.

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной...

Блок. 1897—1909 гг.

4

Пусть свѣтитъ мѣсяцъ, — ночь темна
Пусть жизнь приноситъ людямъ счастье. —
Въ моей душѣ любви весна
Не смѣнитъ бурнаго ненастья
Ночь распростерлась надо мной
И отвѣчаетъ мертвымъ взглядомъ
На тусклый взоръ души больной,
Облитой острымъ, сладкимъ ядомъ.
И тщетно, страсти затая,
Въ холодной мглѣ передразсвѣтной,
Среди толпы блуждаю я
Съ одной лишь думою завѣтной
Пусть свѣтитъ мѣсяцъ, — ночь темна.
Пусть жизнь приноситъ людямъ счастье, —
Въ моей душѣ любви весна
Не смѣнитъ бурнаго ненастья.

А. Блокъ

1898, январь

К. М. САДОВСКАЯ.
Фотография. 1900-е гг.

«ПУСТЬ СВЕТИТ МЕСЯЦ -
НОЧЬ ТЕМНА...»
1898 г. Автограф.

БЛОК.
Фотография. 1898 г.

Поэт в изгнаньи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Все нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаньи
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

Блок. 1900 г.

Мое любимое занятие — театр.

Блок. 1897 г.

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА В РОЛИ ОФЕЛИИ.
Фотография. 1898 г.

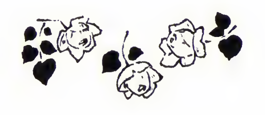
БЛОК В РОЛИ ГАМЛЕТА.
Фотография. 1898 г.

ДОМ В ШАХМАТОВЕ.
В ОКНЕ МЕЗОНИНА — БЛОК.
Фотография. 1894 г.

Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонил свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта,
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоем благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в руках...

Блок. 1898 г.

Ты сияешь мне.

Блок — Л. Д. Менделеевой. 31 декабря 1902 г.

Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА. *Фотография. 1900 г.*

БЛОК И Л. Д. МЕНДЕЛЕЕВА. *Фотография. 1903 г.*

Вхожу я в темные храмы,
Свершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

Блок. 1902 г.

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал...

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой,—
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

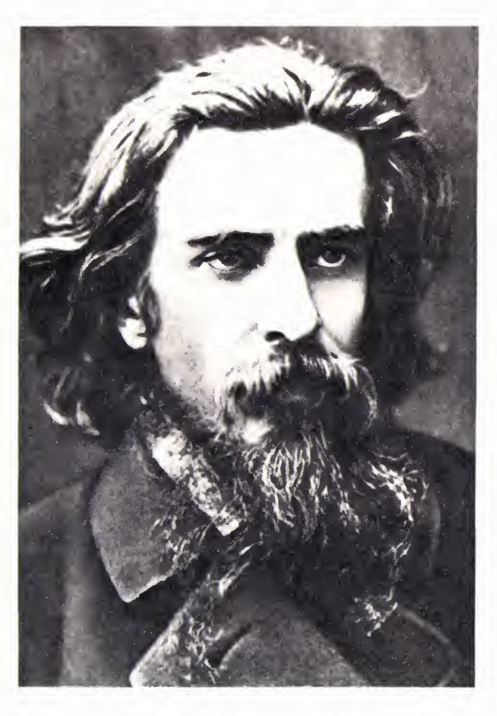
Блок. 1903 г.

СЕЛО ТАРАКАНОВО.
ЦЕРКОВЬ, ГДЕ ВЕНЧАЛСЯ БЛОК.
Фотография.

«СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ».
ПЕРВЫЙ СБОРНИК
СТИХОТВОРЕНИЙ БЛОКА.

В. С. СОЛОВЬЕВ.
Фотография. 1890-е гг.

В. Я. БРЮСОВ.
Портрет работы М. А. Врубеля. 1906 г.

...СКАЖУ ПРЯМО — ВАША ПОЭЗИЯ ЗАСЛОНЯЕТ ОТ МЕНЯ ПОЧТИ ВСЮ СОВРЕМЕННО-РУССКУЮ ПОЭЗИЮ

А. Белый — Блоку. 4 января 1903 г.

А. БЕЛЫЙ И С. М. СОЛОВЬЕВ. НА СТОЛЕ — БИБЛИЯ И ПОРТРЕТЫ В. С. СОЛОВЬЕВА И Л. Д. БЛОК. *Фотография. 1904 г.*

*Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.*

*В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.*

*Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.*

Блок. 1901 г.

БЛОК. *Портрет работы Т. Н. Гиппиус. 1906 г.*

«ЛИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ».
Обложка работы К. А. Сомова. 1908 г.

Идеальной постановкой маленькой феерии «Балаганчика» я обязан В. Э. Мейерхольду, его труппе, М. А. Кузмину и Н. Н. Сапунову.

Блок. Предисловие к сборнику «Лирические драмы». 1907 г.

ПЬЕРО

Ах, как светла — та, что ушла
(Звенящий товарищ ее увел).
Упала она (из картона была).
А я над ней смеяться пришел.

Она лежала ничком и бела.
Ах, наша пляска была весела!
А встать она уж никак не могла.
Она картонной невестой была.

И вот стою я, бледен лицом,
Но вам надо мной смеяться грешно.
Что делать? Она упала ничком...
Мне очень грустно. А вам смешно?

Блок. «Балаганчик». 1906

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬД В РОЛИ ПЬЕРО («БАЛАГАНЧИК»).

Рисунок Н. П. Ульянова. 1908 г.

БЛОК.
Фотография. 1907 г.

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали́.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав...

Много нас — свободных, юных, статных—
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Блок. «Осенняя воля». 1905 г.

«СНЕЖНАЯ МАСКА». *Фронтиспис. Литография по рисунку Л. С. Бакста. 1907 г.*

Н.Н.В.

*Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.*

*Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.*

*И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!*

*Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен.
Люди! Я стройна!
Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроясь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!*

Блок. 1907 г.

Вотъ явилась, заслонила
Всѣхъ нарядныхъ, всѣхъ подругъ,
И душа моя вступила
Въ предназначенный ей кругъ.

И подъ знойнымъ, снѣжнымъ стономъ
Расцвѣли черты твои.
Только тройка мчитъ со звономъ
Въ снѣжно-бѣломъ забытьи.

Ты ль взмахнула бубенцами,
Увлекла меня въ поля?
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя?

И о той ли вольной волѣ
Вѣтеръ плачетъ вдоль рѣки?
И поютъ, и гаснутъ въ полѣ
Бубенцы, какъ огоньки?

Н. Н. ВОЛОХОВА. *Фотография. 1907г.*

«ВОТ ЯВИЛАСЬ, ЗАСЛОНИЛА...» *1907 г. Автограф.*

Что же делать? Что же делать? Нет больше домашнего очага... Двери открыты на вьюжную площадь.

Блок. «Безвременье». 1906 г.

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ,
МАТЬ ПОЭТА.
Фотография. 1909 г.

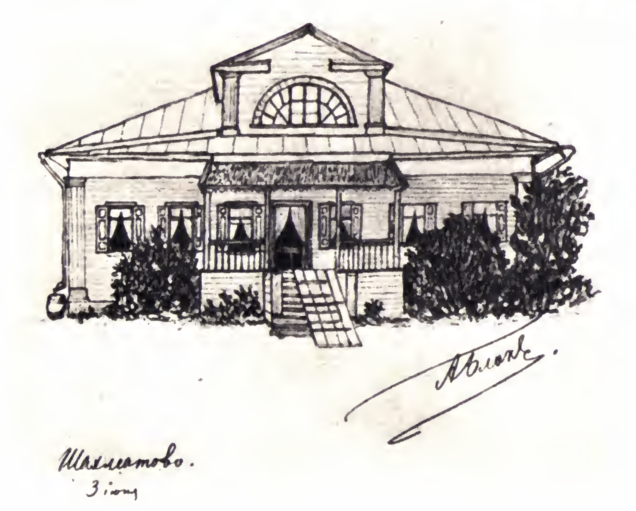

БЛОК В ШАХМАТОВЕ.
Фотография. 1909 г.

ОН СИДИТ ЗА САМОВАРОМ, С СЕМЬЕЮ, В САДУ СРЕДИ ЛАСКОВЫХ УЛЫБОК И РОЗ, НО ЛИЦО У НЕГО СТРАШНОЕ, БЕЗДОМНОЕ, ЛЕРМОНТОВСКОЕ — ЧУЖДОЕ ЭТИМ УЛЫБКАМ И РОЗАМ. ОН ОТВЕРНУЛСЯ ОТ ВСЕХ, И КАЖЕТСЯ, ЧТО У НЕГО В ЭТОМ ДОМЕ НЕТ НИ СЕМЬИ, НИ УГЛА...

Корней Чуковский. «Александр Блок»

ШАХМАТОВО.
Рисунок Блока.

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

Блок. 1913 г.

Л. Д. БЛОК, ЖЕНА ПОЭТА.
Фотография. 1900-е гг.

БЛОКУ — ВЕРЬТЕ, ЭТО НАСТОЯЩИЙ — ВОЛЕЮ БОЖИЕЙ — ПОЭТ И ЧЕЛОВЕК БЕССТРАШНОЙ ИСКРЕННОСТИ.

М. Горький. Письмо Д. Семеновскому. Лето 1919 г.

3. 122

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Безсмысленный и тусклый свѣтъ.
Живи еще хоть четверть вѣка —
Все будетъ такъ. Исхода нѣтъ.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, какъ встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

«НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА...»
1912 г. Автограф.

«НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА...»
Рисунок М. В. Добужинского. 1910-е гг.

БЛОК.
Портрет работы К. А. Сомова. 1907 г.

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Все потеряно, все выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ль спать тебе, матрос?

Блок. 1909 г.

...А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Блок. «Друзьям». 1908 г.

БЛОК, К. А. СЮННЕНБЕРГ,
Ф. К. СОЛОГУБ, Г. И. ЧУЛКОВ.
Фотография, 1908 г.

Страшная, тягостная вещь — талант; может быть, только гений говорит правду; только правда, как бы она ни была тяжела, л е г к а — «легкое бремя». Правду, исчезнувшую из русской жизни,— возвращать н а ш е д е л о.

Блок. Дневник. 18 декабря 1911 г.

А. А. АХМАТОВА.
Фотография. 1916 г.

В. В. МАЯКОВСКИЙ.
Фотография. 1910-е гг.

С. А. ЕСЕНИН.
Фотография. 1914 г.

ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА БЛОКА — ЦЕЛАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭПОХА. СЛАВНЕЙШИЙ МАСТЕР — СИМВОЛИСТ, БЛОК ОКАЗАЛ ОГРОМНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ ПОЭЗИЮ.

В. В. Маяковский. «Умер Александр Блок»

«КАК ОКЕАН МЕНЯЕТ ЦВЕТ...» 1914 г.
Автограф.

Л. А. ДЕЛЬМАС.
Фотография. 1912 г.

КАРМЕНЪ.

Посвящается

Любови Александровнѣ

Дельмасъ.

1.

Какъ океанъ мѣняетъ цвѣтъ,
Когда въ нагромождённой тучѣ
Вдругъ полыхнетъ мигнувшій свѣтъ, —
Такъ сердце подъ грозой пѣвучей
Мѣняетъ строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается въ ланиты,
И слезы счастья душатъ грудь
Передъ явленьемъ Карменситы.

БЛОК.
Фотография. 1907 г.

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Блок. 1914 г.

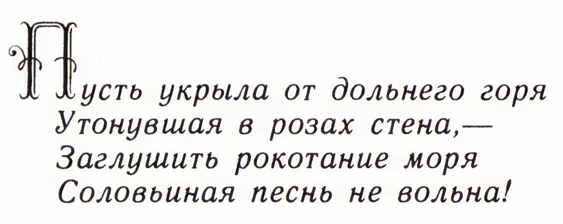

БЕРТРАН

ГАЭТАН

Пусть укрыла от дольнего горя
Утонувшая в розах стена,—
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

Блок. «Соловьиный сад»

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!
Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Блок. «Роза и Крест»

«РОЗА И КРЕСТ».
Автолитографии Н. П. Дмитревского. 1922 г.

«СОЛОВЬИНЫЙ САД».
Первое издание.

...И все уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь...

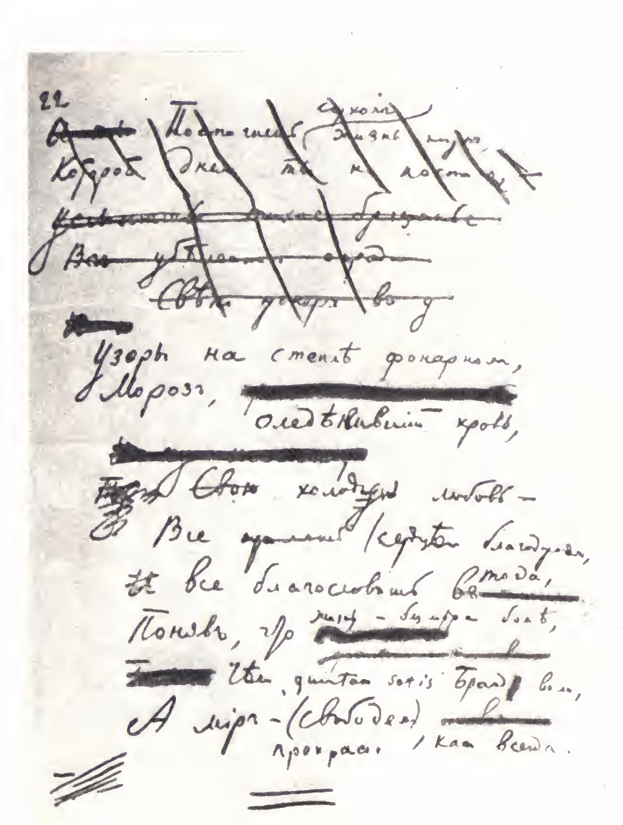
Блок. «И вновь — порывы юных лет...» 1912 г.

Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Блок. «Возмездие». Пролог

БЛОК.
Фотография. 1916 г.

Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Свою холодную любовь —

«ВОЗМЕЗДИЕ».
Автограф. 1911 г.

А. Л. БЛОК.
Фотография. 1878 г.

БЛОК СРЕДИ СОСЛУЖИВЦЕВ ПО 13-й ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ДРУЖИНЕ.
Фотография. 1916 г.

БЛОК В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦАРСКИХ МИНИСТРОВ И САНОВНИКОВ.
Фотография. 1917 г.

Л. Д. БЛОК ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В АРМИЮ СЕСТРОЙ МИЛОСЕРДИЯ
Фотография. 1914 г.

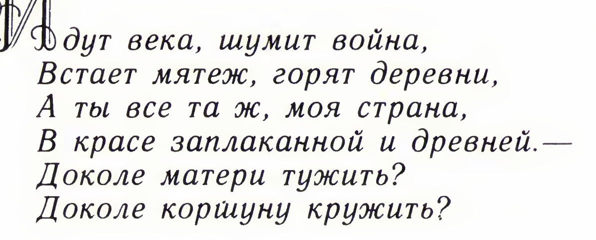

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумье ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Блок. 1914 г.

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Блок. «Коршун». 1916 г.

К уда ты несешься, жизнь?

Блок. Записная книжка. 15 мая 1917 г.

Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию.

Блок «Интеллигенция и революция». 1918 г.

Революция — это: я — не один, а мы.

Блок. Дневник. 1 марта 1918 г.

И верь душе, и верь звенящей,
И верь натянутой струне.

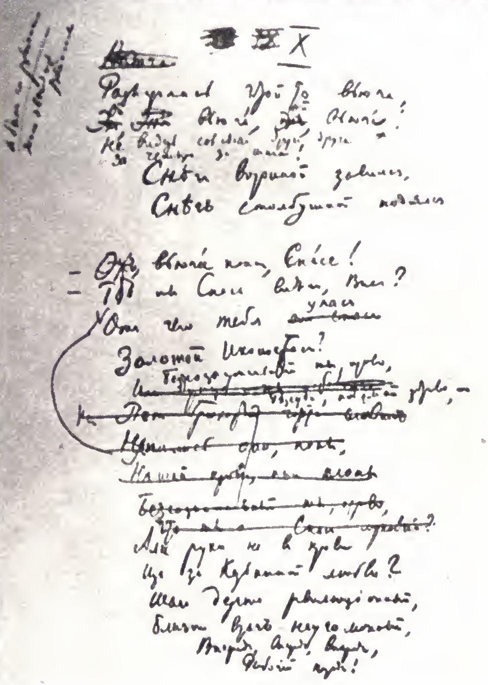
Блок. «В своих мы прихотях невольны...» 1917 г.

„Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг... Сегодня — я гений».

Блок. Записная книжка. 29 января 1918 г.

X

Разыгралась что-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
Шаг держи революцьонный,
Близок враг неугомонный,
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

БЛОК.
Фотография. 1918 г.

«ДВЕНАДЦАТЬ».
Автограф.

ПЛАКАТ С ТЕКСТОМ ИЗ ПОЭМЫ «ДВЕНАДЦАТЬ».
1919 г.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ДВѢНАДЦАТЬ.
СКИѲЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
ИВАНОВА-РАЗУМНИКА
„ИСПЫТАНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1918.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ

рисунки
Ю. АННЕНКОВА

·АЛКОНОСТЪ·
ПЕТЕРБУРГЪ
1918

«ДВЕНАДЦАТЬ».
Первые издания поэмы. 1918 г.

Рисунков к «Двенадцати» я страшно боялся и даже говорить с Вами боялся. Сейчас, насмотревшись на них, хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественные мысли — мне невыразимо близки и дороги, а общее — более чем приемлемо,— т. е. просто я ничего подобного не ждал, почти Вас не зная.

Блок — Ю. П. Анненкову. 12 августа 1918 г.

«ДВЕНАДЦАТЬ».
Рисунки Ю. П. Анненкова. 1918 г.

БЛОК ЧЕСТНО И ВОСТОРЖЕННО ПОДОШЕЛ К НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В. В. Маяковский. «Умер Александр Блок»

Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма, которая за летучей, за крылатой... Крылья у народа есть, а в уменьях и знаньях надо ему помочь.

Блок. Дневник. 18 марта 1918 г.

БЛОК И К. И. ЧУКОВСКИЙ НА ВЕЧЕРЕ В БОЛЬШОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ 25 АПРЕЛЯ 1921 г.
Фотография М. С. Наппельбаума.

АФИША ВЕЧЕРА БЛОКА В БОЛЬШОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ФОНТАНКА
В Понедельник, 25-го Апреля 1921 г.,
„ДОМ ИСКУССТВ"
УСТРАИВАЕТ
ВЕЧЕР
АЛЕКСАНДРА БЛОКА
К. И. ЧУКОВСКИЙ
ПРОЧТЕТ ЛЕКЦИЮ
„ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ"
АЛЕКСАНДР БЛОК
ПРОЧТЕТ СВОИ СТИХИ
Начало в 7 часов вечера.

ЖУРНАЛ «ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ», ГДЕ ПЕЧАТАЛИСЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ БЛОКА.
Обложка работы А. Я. Головина. 1919—1922 гг.

БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР.
Фотография. 1920 г.

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

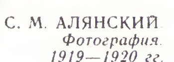
Блок. «Она, как прежде захотела...» 1908 г.

ДОМ НА УГЛУ ОФИЦЕРСКОЙ УЛИЦЫ (НЫНЕ УЛИЦА ДЕКАБРИСТОВ) И НАБЕРЕЖНОЙ р. ПРЯЖКИ, В КОТОРОМ С 1912 ПО 1921 г. ЖИЛ БЛОК.
Д. Я. Черкес. Масло. 1956 г.

С. М. АЛЯНСКИЙ
Фотография. 1919—1920 гг.

Дом Искусств, Дом Ученых, Дом Литераторов, Государственный Большой Драматический театр, Издательства: „Всемирная Литература", Гржебина и „Алконост"
ИЗВЕЩАЮТ,
что 7-го Августа в 10½ часов утра скончался
Александр Александрович
БЛОК
вынос тела из квартиры (Офицерская, 57, кв. 23) на Смоленское кладбище состоится в Среду 10 Августа, в 10 часов утра.

ИЗВЕЩЕНИЕ, РАСКЛЕЕННОЕ ПО ПЕТРОГРАДУ 7 АВГУСТА 1921 г.

БЛОК. *Фотография. 1919 г.*

«ВОЗМЕЗДИЕ». НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВТОРОЙ ГЛАВЫ. 1921 г.
Автограф.

БЛОК.
Фотография М. С. Наппельбаума.
25 апреля 1921 г.

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Блок. 1914 г.

Дом, семья — расшатаны. Все труднее и запутаннее становятся отношения с женой. Иногда им начинает казаться, что они чужды друг другу, что их уже ничто не связывает, что надо разойтись. На пути Блока встают другие женщины, другие привязанности по временам овладевают его сердцем. Все сильнее ощущает он чувство неприкаянности, бездомности.

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы преклонить!

(«Друзьям», 1908)

И в то же время в его душе живет бесконечная привязанность к двум самым любимым на земле существам — жене и матери. «Ночью... ясно почувствовал, что если бы на свете не было жены и матери,— мне бы нечего делать здесь»,— записывает он в дневнике 14 июня 1912 года. И как бы ни были осложнены отношения с Любовью Дмитриевной, как бы далеко ни уходили они друг от друга — он всегда возвращался к ней, своей Маленькой, Милой, Несравненной, любил ее великой, бессмертной любовью, не мог жить без нее, тосковал о прошедших днях, когда они были так молоды, так свято верили в мечту, о днях, когда он писал «Стихи о Прекрасной Даме».

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...

Жене посвящено множество стихов, в том числе потрясающее стихотворение 1908 года:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, кружась проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Биография Блока, особенно в этот период, чрезвычайно статична, небогата событиями. Вся стремительность движения и напряженность борьбы — в жизни духа, в стихах. Внешнее существование было спокойным, респектабельным, даже приятным: слава, восторженные почитатели, обеспеченность, комфорт. Летом — любимое цветущее Шахматово, зимой — уют тихих петербургских квартир. Но в стихах Блока бьется тревога, мятеж, тоска.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

С мирным счастьем покончены счеты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

«Страшный мир» — так назвал вступительный раздел своей третьей книги стихов сам Блок. Смерть, усталость, безнадежность звучат в этих пронзительных, беспощадных, гениальных стихах.

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим...—

таков лейтмотив этого цикла. Все человеческое существование представляется бессмысленными, бесцельными «плясками смерти». Покорное безразличие, равнодушие ко всему, что раньше казалось «восторгом, бурей, адом», овладевает отчаявшимся человеком.

Весь день — как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься,— а в глубине покорный:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет все равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки,—
Что нужды? — Я вижу печальное шествие ночи.

И как итог этого черного существования — трагические пророчества:

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнию своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!..

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

(«Голос из хора», 1914)

Холод и мрак. Но вслушаемся внимательно в эти строки:

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

(«Друзьям», 1908)

Разве это — смерть? Разве это — безнадежность, безволие, усталость? Нет, в такой тоске — страсть, мятеж, тревога, крик о помощи, русская, забывающая себя удаль; в этой смертельной тоске — «жизни гибельный пожар». Блок умел побеждать покорность и холод небытия. Исступленная сила его скорби — это уже порыв, уже борьба, уже жизнь.

И еще: в стихах Блока, даже самых мрачных, всегда присутствует высочайшая человеческая мера, чувство истины и идеала. И тоска его — от несоответствия жизни его безмерным романтическим требованиям. Эта тоска тем острее, чем живее воспоминание о юности, о том дальнем времени, когда возвышенная истина озаряла его жизнь, когда ему чужда была печальная мудрость осени, унылая взрослая терпимость.

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.

Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала...

(«Перед судом», 1915)

Суд его совести беспощаден. Искренность самообличения огромна. «Я за всю жизнь не встречал человека,— писал Чуковский,— до такой степени чуждого лжи и притворству. Пожалуй, это было главной чертой его личности — необыкновенное бесстрашие правды». И сам Блок говорил: «Слов неправды говорить мне не приходилось».

Да, Блок погружался в отчаяние и мрак, но он твердо знал — как «суждено меж людьми». Это знание было его путеводным маяком. Ужасаясь жизни, он носил в себе ее светлый идеал. И потому самые печальные его стихи, пронзая душу скорбью, не оставляют тягостного чувства безысходности. В них всегда есть ощущение воздуха, света. Он мудро писал: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна» («Интеллигенция и революция», 1918).

Блоковские стихи не просто печальны: они трагичны, а истинный трагизм всегда предполагает мужественную стойкость перед скорбью, перед неумолимым роком. Блок очень любил и часто цитировал гениальное стихотворение Тютчева «Два голоса» — героический победный гимн борющемуся человечеству — «смертным»:

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Конечно, в стихах 1908—1913 гг. отнюдь не только мрачные мотивы.

Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Красота мира живет в его лирике: в страстной одухотворенности любовных посланий, в вольной цыганской удали, в возвышенном чувстве природы.

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

Один из шедевров блоковской лирики — монументальные «Итальянские стихи». Этот цикл в основном был написан летом 1909 года, во время путешествия по городам Италии — Флоренции, Венеции, Равенне, Сиене. Это стихи о вечной красоте древней страны, о всепобеждающей силе гармонии, о бессмертии великого прошлого — его страстей, его мучеников, героев и поэтов, о бессмертии в памяти человеческой, в надписях на могильных камнях, в свежем морском ветре, во взглядах смуглых девушек.

Все, что минутно, все, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках...

А виноградные пустыни,
Дома и люди — все гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

(«Равенна»)

С годами все яснее и яснее Блок понимает, что главное в его жизни, какие бы личные страсти ни терзали его,— долг творчества, труда, долг перед Россией, перед людьми, перед своим даром и — что важнее всего — перед истиной. Он чувствует огромную ответственность слов: творец, художник, поэт.

В то же время ему становится ясно, что он уже перерос тесные границы своей колыбели — символизма, что он свободен от всех сковывающих пут этого направления. «Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше — один, отвечаю за себя, один...» — так пишет он в дневнике 10 февраля 1913 года. Знаменательно признание в письме к матери (21 февраля 1911 г.): «Я чувствую, что у меня, наконец, на 31-м году определился очень важный перелом... Я думаю, что последняя тень "декадентства" отошла».

Сложные отношения связывают его с соратниками — Мережковским, Гиппиус, Ф. Сологубом, В. Ивановым. Многое объединяет их; но уже намечается серьезное расхождение, которое потом, в 1917 году, превратится в бездну, ставшую между ними.

Блок чутко прислушивался к молодым поэтическим голосам, тонко чувствовал все талантливое, духовно значительное. Для него молодость всегда казалась особенно притягательной — как вечный порыв в будущее. Он же для начинающих поэтов — да и для всей интеллигентной русской молодежи — был кумиром, мастером, перед которым преклонялись, у кого учились, кого слушали, кому верили, в ком видели больше чем поэта — пророка, рыцаря правды и света. «Святое сердце Александра Блока»,— сказала о нем молодая Марина Цветаева, выразив чувства целого поколения русских людей.

Известные поэты XX века — А. А. Ахматова, С. А. Есенин, В. В. Маяковский тогда, в 1910-е годы, только входили в литературу. Но Блок сумел среди множества юных голосов различить своеобразие и силу их дарований. «...Поэма настоящая, и Вы — настоящая»,— писал он Ахматовой 14 марта 1916 года об ее поэме «У самого моря».

Прекрасна надпись, которую гордая Ахматова сделала на своей книге «Четки», подаренной Блоку в 1914 году: «Александру Блоку Анна Ахматова. «От тебя приходила ко мне тревога И уменье писать стихи».

В 1915 году к Блоку пришел совсем молоденький, недавно приехавший в Петербург рязанский паренек, уже входивший

в моду в столичных литературных салонах. На письме Сергея Есенина с просьбой о встрече Блок написал: «Крестьянин Рязанской губ<ернии>, 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык. Приходил ко мне 9 марта 1915».

В высшей степени знаменательно, как воспринял Блок начинающего Маяковского. Казалось бы, громогласный поэт-футурист мог вызвать раздражение утонченного Блока. Но, по свидетельству современников, неистовая, богоборческая поэзия раннего Маяковского поразила Блока. Современник вспоминает, что, говоря о футуристах, поэт заметил: «Есть из них один замечательный: Маяковский... На вопрос, что же замечательного находит он в Маяковском, Блок ответил с обычным лаконизмом и меткостью — одним только словом: «Демократизм».

«ЯМБЫ» (1907—1914). «РОДИНА» (1907—1916)

В февральском письме к матери 1911 года Блок пишет: «...Я «общественное животное», у меня есть определенный публицистический пафос и потребность общения с людьми — все более по существу».

Именно этот «публицистический пафос» заставляет Блока все пристальнее всматриваться не только в общие, философские закономерности жизни, но и в ее социальную сторону, в ее повседневные, казалось бы, мелкие, но от того ничуть не менее мучительные несправедливости и обиды. И совсем не случайно в дневнике Блока вдруг появляются такие записи: «Мы тут болтаем и углубляемся в «дела». А рядом — у глухой прачки Дуни болит голова, болят живот и почки. Воспользовавшись отсутствием «видной» прислуги, она рассказала мне об этом... Надо, чтобы такое напоминало о месте, на котором стоишь, и надо, чтобы иногда открывались глаза на «жизнь» в этом ее, настоящем смысле; такой хлыст нам, богатым, необходим» (19 декабря 1912 г.).

И еще и еще: «Вечерние прогулки... по мрачным местам, где хулиганы бьют фонари, пристает щенок, тусклые окна с занавесочками. Девочка идет — издали слышно, точно лошадь тяжело дышит: очевидно, чахотка; она давится от глухого кашля, через несколько шагов наклоняется... Страшный мир» (28 февраля 1912 г.).

«Ночь белеет, сейчас иду на вокзал встретить милую. Вдруг вижу с балкона: оборванец идет, крадется, хочет явно, чтобы никто не увидал, и все наклоняется к земле. Вдруг припал к какой-то выбоине, кажется, поднял крышку от сточной ямы, выпил воды, утерся... и пошел осторожно дальше. Человек...» (19 июня 1912 г.).

И одно за другим идут гневные, требовательные, суровые стихи:

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже,—
Оттуда зримей мир иной...
Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя,—
Дням настоящим молвив: *нет!*

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Несколько позднее — в 1919 году — эти гражданские стихи 1907—1914 гг. Блок объединил в сборник, назвал его «Ямбы» и посвятил памяти своей сестры Ангелины, дочери А. Л. Блока от его второго брака. Это была замечательная девушка, восторженная, «нежная, чуткая, нервная» — так писал о ней брат. Она погибла совсем молодой, в 1918 году: во время войны была сестрой милосердия, заразилась воспалением мозга и умерла в военном лазарете.

О своем творческом и мировоззренческом пути от «Стихов о Прекрасной Даме» до публицистической лирики «Ямбов» Блок с чрезвычайной четкостью сказал в замечательном письме к Белому 6 июня 1911 года: «...Таков мой путь... все стихи вместе — «трилогия вочеловечения» (от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянью, проклятиям, «возмездию» и...— к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру...)».

Но недостаточно ведь просто «мужественно глядеть в лицо миру». И как бы ни был предан поэт объективной истине, все же ему необходима какая-то точка, на которой он может твердо стоять, с которой может смотреть на мир, нечто незыблемое, поддерживающее и вдохновляющее. Такой точкой, такой верой, такой вечной любовью была для Блока Россия.

Составляя третий том собрания своей лирики, Блок объединил в раздел «Родина» несколько стихотворений 1907—1916 годов. Однако, как он сам говорил, все его произведения — о России. Эта тема для Блока, в сущности, не имеет границ. Когда мы вчитываемся в стихи, объединенные в цикле «Родина», мы видим, что в это понятие для Блока входит все дорогое, кровное, то, из чего родилась его душа, то, что таится в глубине ее. Родина — это и детские смутные воспоминания о самом глубоком, темном, изначальном — о тихой спальне, о склоненном лице няни:

Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

(«Сны», 1912)

Это и щемящая, сладко раздирающая душу нежность к родной тоскливой, зовущей куда-то природе:

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Это и мысль о горестной судьбе русского человека, в которой тоска серых будней переплетается с яркими, невозможными, никогда не сбывающимися мечтами,— о судьбе, так часто завершающейся нелепой гибелью, все равно от чего:

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

(«На железной дороге», 1910)

Историческая судьба России стоит в центре небольшого цикла «На поле Куликовом». Мятежная Русь, летящая в грядущее,— вот образ, вдохновляющий Блока, помогающий ему оставаться бесстрашным, бессонным и вольным.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

(«Река раскинулась...», 1908)

И о том же: о вечном движении, о вечной молодости России, нищей и прекрасной, смиренной и безудержной, о великой своей любви и вере — программное стихотворение «Россия»:

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

В стихах Блока облик Родины — живой, персонифицированный, очеловеченный. Он как бы сливается с прекрасным женским образом. Любовь поэта к России — личное, кровное, глубоко интимное чувство, неотделимое для него от вечной его любви к «единственной на свете», к жене.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Именно поэтому Блок включает в цикл «Родина» одно из пленительнейших своих любовных стихов:

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

(«Приближается звук...», 1912)

И даже мысль о грядущей смерти для Блока тоже связана с мыслью о России: последнее его воспоминание, последние проплывающие предсмертные видения будут о ней:

Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

(«Последнее напутствие», 1914)

Есть среди блоковских стихов о России и другие — яростные, презрительные:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

Но поэт не может отвернуться от родной своей земли, даже когда ее лицо искажено уродливой гримасой. И, ненавидя русское дикое и тупое мещанство, Блок остается верен своей трудной любви и вере. Отсюда — финал стихотворения:

...И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Циклы «Ямбы» и «Родина», пронизанные ощущением истории, тревожным предвещением бури, исполненные гражданским, общественным пафосом, позволяют нам яснее понять, какими путями шел Блок к высшему своему поэтическому и человеческому подвигу — к признанию Октябрьской революции и к созданию поэмы «Двенадцать».

«РОЗА И КРЕСТ» (1913). «КАРМЕН» (1914). «СОЛОВЬИНЫЙ САД» (1915)

В конце 1913 года Блок увидел в театре Музыкальной драмы певицу Любовь Александровну Дельмас в роли Кармен. Она поразила его. Вновь и вновь смотрит он этот спектакль. Одна за другой в его мартовской записной книжке 1914 года появляются отрывочные слова: «...Пела Андреева-Дельмас — мое счастие», «О, как блаженно и глупо...», «Все поет», «Счастие, счастие».

Именно счастья, обычной человеческой радости так не хватало ему.

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастии твердишь,— который раз?

В этой женщине, в этой ожившей и вошедшей в его жизнь Карменсите было, казалось, все, что может дать счастье. «Прекрасны линии ее высокого, гибкого стана, пышно золотое руно ее рыжих волос, обаятельно неправильное переменчивое лицо... И при этом талант, огненный артистический темперамент и голос, так глубоко звучащий на низких нотах. В этом пленительном облике нет ничего мрачного или тяжелого. Напротив — весь он солнечный, легкий, праздничный. От него веет душевным и телесным здоровьем и бесконечной жизненностью» (Бекетова).

Блок влюбился, как мальчик, «как гимназист»: ходил на все ее спектакли, напряженно смотрел из темного зрительного зала, покупал фотографии, сочинял и рвал письма и писал стихи — о любви, о творчестве, о счастье.

...И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

Цикл «Кармен» — одна из вершин любовной лирики Блока.

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен,—
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

(«О да, любовь вольна, как птица...», 1914)

Радость и покой были близки и желанны, но этот «дальний путь», неутомимый, подвижнический, не позволял успокоиться, остановиться. Счастье — не для него; Блок сознавал это с горькой ясностью. «Он говорил, что художник и не может быть счастлив», — много лет спустя вспоминала Дельмас.

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое.—
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое? —

писал он в одном из последних стихотворений, обращенных к Дельмас.

Об этой невозможности, неправоте счастья в мире сурового долга и труда Блок написал символическую поэму «Соловьиный сад». Ее герой, изнуренный тяжелой работой, мечтает об отдыхе, о покое — о волшебно-прекрасном прохладном саде.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листы.

Он бросает кирку и бежит в этот «чуждый край незнакомого счастья».

...Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Но сквозь соловьиные трели, заглушая негу и любовь, неотступно слышится беглецу однообразный и беспокойный шум морского прибоя и жалобный крик осла — бедного товарища его трудов. И он бежит от счастья — к работе, к усталости, к долгу. А жизнь уже ушла вперед, и ему, отступнику, нет больше места в суровом мире, которому он однажды изменил.

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

Эта нежная, грациозная поэма была беспощадной. Блоковская альтернатива — либо счастье, либо долг — бескомпромиссно сурова. С жесткой непреклонностью твердит он в своих стихах:

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было...

Блок говорил о себе, что он всегда «думал больше о правде, чем о счастьи».

Эта мысль — о невозможности, неправомерности личного счастья в несовершенном и несчастном мире, о том, что не в счастье, а в подвижнической верности долгу истинное призвание человека,— звучит у многих русских писателей. Эта очень русская, суровая, мученическая идея преследует и Блока. Она лежит в основе лучшего его драматического произведения — пьесы «Роза и Крест». Сначала Блок задумал ее как сценарий балета из жизни провансальских трубадуров; затем как либретто оперы. Но постепенно поэт понял, что весь сложный строй придуманного им сюжета не укладывается в столь тесные рамки. Так опера превратилась в драму. Работа над ней продолжалась почти весь 1912 год. 19 января 1913 года пьеса была закончена.

Блок писал: «Роза и Крест» первым долгом является драмой человека Бертрана». «Он неумолимо честен, трудно честен, а с такой честностью жить на свете почти невозможно». Этот неуклюжий, топорный, всеми осмеянный неудачник, «рыцарь-несчастье» обладает тонкой, нежной душой, непоколебимо верной своему долгу и своей любви. Он любит Изору — госпожу замка, юную жену старого графа. Но семнадцатилетняя смуглая графиня предпочитает ему пошляка и красавца пажа Алискана. Истекая кровью от ран, полученных в сражении, Бертран стоит под окном комнаты, где происходит свидание Изоры и Алискана. Он охраняет влюбленных: об этом просила его она, его дама. Наконец силы покидают его. Умирая, он спасает Изору, предупреждая ее об опасности звоном упавшего меча. И в эти последние свои мгновения Бертран понимает темный до сих пор для него смысл песни, которую твердила Изора:

Радость, о, Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран!..

Для Бертрана, по словам одного из исследователей, «величайшее страдание души сливается с величайшей радостью отречения». Так понимает Блок эту коллизию: возможность соединения Розы красоты, счастья, любви с Крестом самоотвержения. Так вновь и вновь твердит поэт о суровой верности долгу и о том, что истинное счастье — в следовании этому долгу.

Но «Роза и Крест» — произведение чрезвычайно сложное, далеко не однозначное. Одна из важнейших фигур драмы — нищий рыцарь Гаэтан, странник, старый ребенок, поэт. Это его туманную северную песню о Радости-Страданье повторяет, тоскуя Изора, неясно чувствуя ее тревожный призыв. Блок говорит о Гаэтане: «Это — зов, голос, песня. Это — художник». И в другом месте: «Есть песни, в которых звучит смутный зов к желанному и неизвестному. Можно совсем забыть слова этих песен, могут запомниться лишь несвязные отрывки слов; но самый напев все будет звучать в памяти, призывая и томя призывом».

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан,—

это гениальное определение сущности поэта Блок вкладывает в уста Гаэтана.

«ВОЗМЕЗДИЕ» (1910—1921)

1 декабря 1909 года в далекой Варшаве умер отец Блока. Сын ездил его хоронить. Всю жизнь отношения их были отдаленными, холодными. Но теперь, под влиянием этой смерти, Блок остро почувствовал всю яркость личности Александра Львовича. «Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры» (матери, 4 декабря 1909 года из Варшавы).

В начале 1910 года у Блока возникает замысел большого эпического полотна — поэмы «Возмездие». В центре ее должен был стоять образ Александра Львовича. Блок сначала даже хотел назвать будущую поэму «Отец».

Весь 1910 год поэт работает над новым замыслом. Но с начала 1911 года план поэмы значительно изменяется. Уже не судьба только отца, но судьба всей своей семьи, своего рода занимает Блока.

В 1911 году значительная часть поэмы была закончена. Потом Блок прервал работу над «Возмездием». Он возвращался к нему еще несколько раз: в 1912, 1914, 1916 годах. Затем почти пять лет перерыва и вновь интенсивная работа — в январе 1921 года и летом — в мае, июне, июле, за несколько недель до смерти. Строки продолжения второй и третьей глав — последние стихи, написанные Блоком.

«Возмездие» так и осталось незавершенным. Целиком написан лишь пролог и первая глава. Вторая и третья — не закончены. В «Предисловии» Блок наметил сюжетную основу поэмы — и написанной ее части и неосуществленного замысла: «Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века... в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий «демон», первая ласточка «индивидуализма» [имеется в виду отец поэта]... Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века... должна была быть посвящена сыну этого «демона», наследнику его мятежных порывов и болезненных падений... В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что сталось с бывшим блестящим «демоном», в какую бездну упал этот яркий когда-то человек... Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску, третьему звену все того же высоко взлетающего и низко падающего рода. В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать... никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет: он начинает уже играть, он начинает повторять

по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот».

Описывая судьбы нескольких поколений русской интеллигенции на материале истории своей семьи, Блок развертывает рассказ на широком и вольном фоне событий русской общественной жизни конца XIX века — начала XX. В результате хроника семейств Бекетовых и Блоков вырастает в величественное эпическое полотно. Огромные философские обобщения, глубокие и лапидарные социальные характеристики, неожиданные и в то же время художественно точные сопоставления самых различных исторических и личных, семейных событий («Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе создают единый музыкальный напор»,— писал Блок в «Предисловии» — такова эта поэма, любимое создание Блока, стоившее ему великих трудов, мучительных сомнений и творческих восторгов.

В одном из писем к матери, рассказывая о работе над «Возмездием», Блок говорит, что его новая поэма «пропитана яростной ненавистью к царскому правительству...». Проклятие буржуазному «железному» девятнадцатому веку, глухой победоносцевской реакции, восторженное изображение народовольцев — «юности с нимбом вокруг лица» — все это делает «Возмездие» произведением, продолжающим традиции русской гражданской поэзии XIX века. И все это вновь напоминает нам о том, сколь закономерен был приход Блока в лагерь революции, как неуклонно было движение поэта к восторженному принятию Октября.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1914—1917)

Мировую войну Блок воспринял равнодушно. Шовинистический угар, которому поддались многие русские литераторы, был чужд ему, несмотря на всю его любовь к России. «Война — глупость, дрянь», «Бестолочь идиотская — война» — эти блоковские слова хорошо запомнились современникам. Весьма не искушенный в политике, Блок все же вскоре ясно понял, что война «оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина». Он увидел в войне народное горе, слезы, смерти. «...Чувствую войну и чувствую, что вся она — на плечах России, и больнее всего — за Россию»,— пишет он в октябре 1914 года жене, которая уехала в госпиталь сестрой милосердия.

Петроградское небо мутилось дождем,
    На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
    Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
    Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
    Были дымные тучи в крови.

В записной книжке Блока есть такая гордая запись: «Если меня спросят, «что я делал во время великой войны», я смогу, однако, ответить, что я делал дело: редактировал Аполлона Григорьева, ставил «Розу и Крест» и писал «Возмездие».

Однако в июле 1916 года ему помешали «делать дело»: он был мобилизован в армию и зачислен табельщиком инженерно-строительной бригады, находящейся в Пинских болотах, в прифронтовой полосе. «Бестолочь дружины» продолжалась для него около семи месяцев. «Я озверел, полдня с лошадью по полям и болотам разъезжаю, почти неумытый; потом — выпиваем самовары чаю, ругаем начальство, дремлем или засыпаем, строчим в конторе, иногда на завалинке сидим и смотрим на свиней и гусей» (матери, 4 сентября 1916 года).

Но среди этого временного затишья его не оставляло предчувствие, что надвигаются на страну «неслыханные перемены, невиданные мятежи», что глубоко в недрах России растет буйная, грозная сила.

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Здесь, в Пинских болотах, Блок узнал о Февральской революции. 19 марта он вернулся в Петроград. Революционная столица произвела на него праздничное впечатление. Он радовался, как ребенок, как поэт. «...Необыкновенно величественна вольность, военные автомобили с красными флагами, солдатские шинели с красными бантами, Зимний дворец с красным флагом на крыше» — так пишет он матери 23 марта 1917 г. И ей же: «Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Не произойти не могло, случиться могло только в России...», «Произошло чудо, и, следовательно, будут еще чудеса». З. Н. Гиппиус вспоминает о Блоке этих дней: «Помнится, как он ходит непривычно быстро по моему ковру и повторяет взволнованно: «Как же ему теперь, русскому народу, лучше послужить?»

Вскоре представилась такая возможность. Блока назначили редактором стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц». Поэт с огромной ответственностью отнесся к этой работе, верил в ее революционную необходимость. «Я вижу и слышу теперь то,— писал он жене 14 мая,— чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет». Перед ним прошли допросы крупнейших царских сановников, делавших многие годы русскую политику. «...Это — вся гигантская лаборатория самодержавия, ушаты помоев, нечистот, всякой грязи, колоссальная помойка» (жене, 11 мая). «Когда они захлебываются от слез или говорят что-нибудь очень для них важное, я смотрю всегда с каким-то особенным, внимательным чувством: революционным» (матери, 11 июня).

Вскоре, впрочем, он начинает понимать, что это революционное чувство начисто отсутствует у его коллег по комиссии. «В нашей редакционной комиссии революционный дух не присутствовал. Революция там не ночевала. С другой стороны, в городе откровенно поднимают голову юнкера-ударники, империалисты, буржуа, биржевики... Неужели? Опять — в ночь, в ужас, в отчаянье?» Подступает его обычная тревожная тоска. «Что же? В России все опять черно и будет чернее прежнего?»

Блок начинает понимать, что единственная партия истинно революционна: большевики. «Неужели ты не понимаешь,— пишет он жене,— что ленинцы не страшны, что все по-новому, что ужасна только старая пошлость, которая еще гнездится в многих стенах». Гиппиус вспоминает о знаменательном телефонном разговоре с Блоком: она звала его участвовать в антибольшевистской газете, он отказался. «Уж вы, пожалуй, не с большевиками ли?» Все-таки, в эту минуту, вопрос мне казался абсурдным. А вот что ответил на него Блок (который был очень правдив, никогда не лгал): «Да, если хотите, я скорее с большевиками. Они требуют мира...» 19 октября он пишет в дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

Совсем незадолго до октябрьских событий в письме к жене, отвечая на обычные интеллигентски-обывательские опасения перед стихией народной ярости, Блок говорит: «Какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа?»

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. «ДВЕНАДЦАТЬ»

Наступил Октябрь. Пришла та буря, которую ждал и пророчил поэт. Он ходил по революционному Петрограду «молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами». Он понимал грандиозность времени: «Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию». Блок принял революцию безоговорочно, восторженно, сразу же поверил в ее могущество, в ее созидательную силу. На анкету: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — он отвечал категорически: «Может и обязана... Декреты большевиков — это символы интеллигенции». Когда в начале ноября Советское правительство предложило мастерам русской культуры сотрудничество, на этот призыв откликнулись очень немногие. В Смольный по приглашению ВЦИК пришло лишь несколько человек. Александр Блок был среди них. Он с презрением писал о тех, кто испугался революции, о тех «витиях», интеллигентных обывателях, которые позволяли себе издевательства над народом, впервые захватившим власть в свои руки: «Русской интеллигенции — точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-

нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой?.. Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в кавычках?» Так писал Блок в статье «Интеллигенция и Революция». И в дневнике: «Происходит совершенно необыкновенная вещь... «интеллигенты», люди, проповедовавшие революцию, «пророки революции», оказались ее предателями. Трусы, натравливатели, прихлебатели буржуазной сволочи».

Над статьей «Интеллигенция и Революция» Блок начал работать с 30 декабря 1917 года. 9 января 1918 года он закончил ее.

В этой статье — художественное, философское, нравственное кредо Блока — максималиста, романтика, человека огромной духовной высоты: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь о т д а с т нам это, ибо она — п р е к р а с н а»

В статье была выражена его давняя мечта о полной переделке мира, об очищающем могуществе революционной стихии. «Дело художника, о б я з а н н о с т ь художника — видеть то, ч т о задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух». Что же задумано? П е р е д е л а т ь в с е. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью...». «Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать».

А 8 января 1918 года пошли стихи. Блок начал писать «Двенадцать». Написал он поэму, в сущности, за два дня; потом, до 28 января, лишь отделывал, дорабатывал. Когда ему говорили, что, по-видимому, «Двенадцать» «рождено в муках», он отвечал: «Нет, наоборот, это сделано в порыве, вдохновенно, гармонически цельно». Вскоре после окончания поэмы он написал Белому: «Было... такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь». И о том же — в позднейшей «Записке о «Двенадцати»: «...Во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)».

Вой, свист страшной, небывалой вьюги — этот звуковой вихрь начинает поэму, сразу создает ее главный тон.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Как всегда у Блока, отправная точка его поэтического образа — в самой повседневной реальности: январь 1918 года, когда писалась поэма, был метельным, снежным. Блок ходил по ночным петербургским улицам, высокий, прямой, в солдатской шинели, сурово и упорно вглядывался в даль, в снег, крутящийся в желтом дрожащем свете фонарей. И воющая вьюга, бушующая в переулках, в творческом сознании поэта претворялась в грозную стихию истории, революционной народной бури, рвущейся на простор, преображающей жизнь, беспощадно сметающей старый, одряхлевший мир.

Мир этот жалок. Ни тени печали о прошлом, об ушедшем нет у Блока. Барыня в каракуле, велеречивый писатель — вития, пузатый поп — весь этот гротескный, балаганный калейдоскоп промелькнул в первой главке, чтобы потом уйти из поэмы. Они сметены бурей истории, они не стоят пристального внимания, они не интересны поэту. И лишь жалкий бездомный пес — символ старого мира — еще появляется на страницах поэмы, трусливо и злобно плетется за красногвардейцами.

Уносятся в метели унылые тени прошлого. Вступает главная мелодия поэмы, тревожная, напряженная, маршевая.

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

Так появляются герои поэмы — двенадцать красногвардейцев, идущих сражаться за свободу. Блок отнюдь не идеализирует их, не изображает идейными, несгибаемыми борцами за революционное дело; это просто рабочие парни с петроградских окраин, лихие, темные — городская голытьба, вольница.

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

В этом безудержном движении вперед, в анархическом стремлении к воле, к мести за поруганные, исковерканные свои жизни они готовы на все — на кровь, на преступление. Такое преступление и составляет сюжетную основу поэмы: в помрачении ревности и злобы один из двенадцати — Петруха убивает свою неверную возлюбленную — Катьку.

В зубах — цыгарка, примят картуз.
На спину б надо бубновый туз! —

так пишет о своих героях Блок в начале поэмы. Но, строка за строкой, эта разбойная вольница преображается..И уже совсем другие слова появляются у Блока: величественные, возвышенные:

...Вдаль идут державным шагом...

«Сам державный народ, державным шагом идущий вперед к цели» — так определял главную силу революции Блок незадолго до создания «Двенадцати».

Возникает чеканный, грозный рефрен поэмы:

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Городская голытьба преображается в революционный народ, идущий на беспощадный бой, на гибель во имя нового мира.

Из злобы, из обиды, из темной мести, из всего тягостного, жестокого, личного, что накопилось в забитых, мрачных душах этих людей, вырастает для Блока их историческая и социальная правота. «Черная злоба» становится «святой злобой». «Блок чутко и верно понял, что ревущий поток революции сложился из множества «капель» — неисчислимо разнообразных побуждений, обид, проклятий, мстительных упований и высоких надежд» (А. М. Турков). Блок умел видеть зорко и далеко. И в то время, как интеллигентские «витии» возмущались революционными жестокостями, он писал сурово и беспощадно: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мошной, а дураку — образованностью» («Интеллигенция и Революция»).

Для Блока, наследника гуманизма русской литературы XIX века, «бедный убийца» Петька — страдающий, любящий человек, а не дикий зверь, разбойник. С возмущением поэт пишет: «...Лучшие люди говорят: «Мы разочаровались в своем народе»; лучшие люди ехидничают, надмеваются, злобствуют, не видят вокруг ничего, кроме хамства и зверства (а человек — тут, рядом)...»

Но — и это еще более важно — и Петруха и красногвардейцы для Блока — первого поэта советской эпохи — не просто страдающие «бедные» люди, но мятежные борцы, революционные герои, бесстрашно и жертвенно идущие на битву за новую жизнь.

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

И вот, как воплощение правоты, святости их дела, их «державного» пути, их обид и страданий, во главе двенадцати среди снежных вихрей появляется великий призрак.

...Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Образ Христа вовсе не обозначал, как считали некоторые критики, религиозного оправдания Блоком революции. Христос поэмы — огромный мировой этический символ, означающий высшую справедливость, воплощающий нравственный идеал человечества. И этот символ освещает для Блока дело революции. В воспоминаниях Чуковского о Блоке есть одно интересное свидетельство: «Как-то в начале января 1918 года он был у знакомых и в шумном споре защищал революцию октябрьских дней. Его друзья никогда не видели его таким возбужденным. Прежде спорил он спокойно, истово, а здесь жестикулировал и даже кричал. В споре он сказал между прочим:

— А я у каждого красногвардейца вижу ангельские крылья за плечами».

Огромно, остро современно, ново было содержание этой великой революционной поэмы, первого произведения советской поэзии. Непривычен и нов был весь ее словесный и интонационный строй. Почитатели изысканного Блока, певца Прекрасной Дамы и Соловьиного сада, изумлялись и возмущались: в вихревом ритме поэмы проносились обрывки забубенных солдатских частушек и мещанских романсов, призывы уличных плакатов, грубая речь улицы, мелькали крепкие, соленые словечки и уже вошедшие в язык массы злободневные неологизмы. Но вся эта пестрая и, казалось бы, нестройная стилистическая разноголосица каким-то чудом — чудом гениальности и вдохновения — претворялась в единый мелодический сплав, в гармоническое целое, звучащее на одном дыхании — напряженном, тревожном, романтическом.

Блок понимал значение «Двенадцати»; недаром в день окончания поэмы он назвал себя в дневнике гением. Он мечтал о том, что поэму «прочтут когда-нибудь и не наши времена», верил в непреходящее революционное величие своего замысла. Именно поэтому он отрицал узкую партийность, злободневность (а вернее, газетную однодневность) поэмы. Он говорил одному из советских комиссаров: «Вас интересует политика, интересы партий; я, мы, поэты, ищем душу революции. Она прекрасна». И в то же время Блок утверждал: «Было бы неправдой... отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике». А в мартовском дневнике 1919 года он записал: «Нет, мы не можем быть «вне политики», потому что мы предадим этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было». И не поверхностной злободневностью, а истинной современностью пронизана эта великая поэма. «Двенадцать»... это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью»,— говорил он позднее.

19 февраля 1918 года Блок записывает: «Не много ли я взял на себя?.. Жутко». А немного раньше, 22 января: «Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили! Правда глаза колет».

Блока оскорбляли. Его травили в печати. Близкие друзья отвернулись от него. Распространялся подлый слух, что он «продался большевикам». Он стоял один среди бывших своих соратников, литераторов, утонченных, высокоумных и высокообразованных людей — один, суровый, дерзкий, не склоняющийся. «Двенадцать» были не только произведением гения; они стали подвигом духовного бесстрашия.

В «левом» лагере поэму тоже далеко не все понимали и принимали: ее ругали за анархизм, за образ Христа и т. п. Но — и это для Блока было важнее всего — поэма вышла в народ. Ее читали и слушали революционные матросы. Ее стихи стали лозунгами, плакатами, частушками:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

В «Правде» от 18 февраля 1918 года писалось, что Блок сумел «в художественных образах выявить душу народа, или, что то же, душу революции». «Двенадцать» были названы «величайшим достижением» русской поэзии.

Через два дня после «Двенадцати» Блок написал стихотворение «Скифы». Эта вдохновенная гражданская ода — страстный призыв ко всемирному братству, к единению.

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

В январские дни 1918 года Блок записал в дневнике: «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чуять силы национальной». И в том же году свою стихотворную отповедь Зинаиде Гиппиус он заканчивает знаменательными строками:

Высоко — над нами — над волнами,—
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернацьонал!

Эта идея объединения новой, молодой России с народами древней Европы звучит в гражданской патетике «Скифов». Мысль о всемирной отзывчивости русского народа, о его способности понять, почувствать чуждую, иноплеменную культуру как свою, как общечеловеческую — эта мысль, встречающаяся у многих русских писателей XIX века, пронизывает блоковскую революционную оду:

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

И в то же время «Скифы» — это грозное предостережение старому миру, барственной и сытой Европе от юной Республики Советов:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

«Скифы», написанные в дни, когда европейские империалисты ополчились на Советскую Россию, стали еще одним — завершающим — стихотворением цикла о Родине, венцом блоковской патриотической лирики. Но это был уже новый — советский — патриотизм. В «Скифах» звучала гордость гражданина нового мира.

«Двенадцать», «Скифы», «Интеллигенция и Революция» — памятники первых лет Советской власти, величественное начало советской литературы. Это поистине символично: величайший поэт России стал первым поэтом революции, новой эры.

Все три произведения были напечатаны в газете «Знамя труда». «Двенадцать» впервые появились в свет в номере от 3 марта. Затем поэма выходила несколько раз отдельными изданиями. Особенно замечательна книжка, вышедшая 27 ноября 1918 года в издательстве «Алконост» с талантливыми иллюстрациями художника Ю. П. Анненкова, высоко ценимыми самим Блоком.

1 марта 1918 года Блок записал в дневник: «Главное — не терять крыльев... Страшно хочу мирного труда; но — окрыленного, не проклятого... Да, у меня есть сокровища, которыми я могу «поделиться» с народом».

С сокровищами своих знаний, культуры, таланта Блок идет к народу, к революционному государству. Работает он страшно много, необыкновенно добросовестно. Обязанностей у него несметное количество. «Блок — член коллегии учрежденного М. Горьким издательства «Всемирная литература», председатель дирекции Большого драматического театра, член редакционной коллегии при Петроградском отделе театров и зрелищ, член коллегии Литературного отдела Наркомпроса, член совета Дома искусств, председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, член правления Петроградского отделения Всероссийского союза писателей...» (А. М. Турков). Заседания, речи, протоколы, рецензии, хлопоты за товарищей и снова заседания, заседания... Бекетова пишет: «Все время чувствовалось, что у него много сложного дела, надо обо всем помнить, ко всему приготовиться. Так как у него все было в

величайшем порядке и он никогда не откладывал исполнение того дела, которое было на очереди, то он все делал спокойно и отчетливо, не суетясь...» И о том же — Павлович: «Председатель наш [Петроградского союза поэтов] был необыкновенно добросовестен... Он не пропускал ни одного заседания... ему приходилось входить в разные мелочи и заботиться о дровах для Союза, и хотя бы единовременных пайках в помощь нуждающимся членам и посещать собрания».

Он редактировал Гейне, читал горы пьес, иногда невероятно беспомощных, писал на них обстоятельные отзывы, рассказывал актерам о Шекспире, Шиллере, романтизме. Восторженную готовность служить народу, строгую, неподкупную искренность, убежденность в правоте избранного пути, бесстрашие, благородство — весь возвышенный строй его души чувствовали люди, связанные с ним в это время. «Александр Александрович — это наша совесть!» — говорили актеры Большого драматического театра, где он служил. Нежно относился к нему Горький, с которым Блок часто встречался в эти годы. По словам писателя Е. И. Замятина, «Горький тогда был влюблен в Блока... «Вот — это человек! Да! Покорнейше прошу!» Блока слушал Горький на заседаниях «Всемирной литературы» так, как никого».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. СМЕРТЬ

Велика польза общественной, просветительской деятельности Блока в первые годы Советской власти. Он сам с гордостью говорил о «груде сделанного». Но — трагический парадокс! — эта непрерывная деловая суета, эти бесконечные обязанности, эта огромная добросовестность все больше и больше отдаляли его от творчества. Он перестал писать стихи, писал только рецензии, доклады, протоколы. Эта творческая немота страшно действовала на впечатлительного, неуравновешенного, склонного к мрачности, уже немолодого поэта. Он твердил, что перестал слышать окружающее, оглох, а это для него, всю жизнь воспринимаюшего как музыку, было особенно страшно. Существовало много других причин для тревоги и мрачности: сложные, нервные отношения в семье, одиночество, измена близких людей, отвернувшихся от него после «Двенадцати».

Мучительно воспринял Блок нэп. Он не мог понять его исторической, государственной необходимости, испугался возможности возвращения старого мира. Друг последних лет жизни Блока С. М. Алянский рассказывал, с каким обостренным, болезненным отвращением и ужасом вслушивался поэт в отзвуки ненавистного прошлого: «...Когда шел сейчас домой, на улицах из подворотен, подъездов, магазинов, из всех щелей — отовсюду выползали звуки омерзительной пошлости, какие-то отвратительные фокстроты и доморощенная цыганщина. Я думал, что эти звуки давно и навсегда ушли из нашей жизни,— они еще живы... Неужели все это возвращается? Это страшно!..»

Как ни странно, он, привыкший к комфорту, к абсолютному порядку, меньше всего страдал от лишений материальных, от бытовых неурядиц. Конечно, еды не хватало, денег не было. Он не умел ловчить, изворачиваться, «урывать» пайки. Он умел только работать. Приятель Блока В. А. Зоргенфрей вспоминал, как Блок «трогательно тосковал по временам о «настоящем» чае, отравлял себя популярным ядом наших дней — сахарином, выносил свои книги на продажу и в феврале этого года, с мучительною тревогою в глазах, высчитывал, что ему понадобится, чтобы прожить месяц с семьей, один миллион!» С щемящей горечью узнал поэт, что его любимое Шахматово разгромлено, что нет уже этого места, с которым было связано все счастье его жизни. Но со стоической безжалостностью к себе он говорил: «Так надо, поэт ничего не должен иметь». Бесстрашный, прямой, трагически-суровый, он требовал и от себя и от окружающих «никуда не прятаться от жизни, не ждать никаких личных облегчений, а смотреть в глаза происходящему как можно пристальнее и напряженнее». И как бы ни было трудно ему в эти годы, он оставался верен революции, верен своим «Двенадцати». Даже когда он заболел и его стали уговаривать уехать в заграничный санаторий, он отказывался: ему казалась отвратительной мысль уехать от родины. «Убежать от русской революции — позор»,— твердил он.

Он все еще мечтал о творчестве, жалобно говорил: «Очень хочется писать... Может быть, в самом деле, отдохну и сяду...»

Но его уже подстерегала болезнь. Весной 1921 года появились ее первые страшные симптомы. В апреле он в последний раз читал свои стихи перед петроградцами — на своем вечере в Большом драматическом театре. Писатель Е. И. Замятин вспоминает: «И вот доверху полон огромный Драматический театр (Большой)... Усталый голос Чуковского — речь о Блоке — и потом, освещенный снизу, из рампы, Блок — с бледным, усталым лицом. Одну минуту колеблется, ищет глазами, где встать,— и становится где-то сбоку столика. И в тишине — стихи о России. Голос какой-то матовый, как будто откуда-то уже издалека — на одной ноте. И только под конец, после оваций — на одну минуту выше и тверже — последний взлет. Какая-то траурная, печальная, нежная торжественность была в этом последнем вечере Блока... Для Петербурга — прямо с эстрады Драматического театра Блок ушел за ту стену, по синим зубцам которой часовым ходит смерть: в ту белую апрельскую ночь Петербург видел Блока в последний раз».

В мае он поехал с выступлениями в Москву; вернулся уже смертельно больным. Ныли руки и ноги, мучила изнурительная слабость, было трудно дышать, болело сердце.

«...Сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается, и все всегда болит» (Чуковскому, 26 мая). «...Кроме болезни, ни о чем не могу писать и трудно — слабость. У меня уже вторые сутки — сердечный припадок...» (матери, 28 мая).

Павлович пишет: «Блок рассказывал... что в начале июня ему страшно захотелось к морю, в Стрельну. Ходил он тогда уже с трудом: взял палку и кое-как добрел до трамвая. У моря было очень хорошо и тихо в тот день. Он долго так сидел один».

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Жить оставалось совсем недолго. Он полулежал в подушках в своем крохотном кабинете в квартире на Офицерской улице и задыхался. С ним была только Любовь Дмитриевна. «Никто из нас,— пишет Замятин,— не видал его за эти три месяца его болезни: ему мешали люди, мешали даже привычные вещи, он ни с кем не хотел говорить — хотел быть один». «Один С. М. Алянский имел счастливое свойство действовать на Александра Александровича успокоительно, и потому доктор позволял ему иногда навещать больного. Остальные друзья лишь справлялись о здоровье Александра Александровича» (Бекетова).

Умер Блок 7 августа 1921 года, утром. Похоронили его на Смоленском кладбище, под старым кленом.

Спи — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог.

(«Вот он — ряд гробовых ступеней...», 1904)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Блок ушел из жизни. Но смерть оказалась бессильной. Стихи Блока не могут умереть. И жизнь его, его трагическая, мятущаяся, строгая и мужественная жизнь — бессмертна. Живой Блок действовал на людей облагораживающе. И сейчас всякое, пусть мимолетное, соприкосновение с его личностью, с его поэзией — исповедью великой души — всегда очищение, просветление. Пронзительная, бесстрашная блоковская искренность, его певучий лиризм, высокая одухотворенность мыслей и чувств вечно будут жить в благодарной памяти русских людей. И вечно будет жить окрыленная вера его в революцию, в ее созидательное, очищающее могущество, его поэтический и человеческий подвиг — «Двенадцать».

Бессмертна поэзия Блока — мятежный, страстный порыв к свету.

Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!

Оформление Г. Ордынского

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Светлана Тихоновна Овчинникова

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А. А. БЛОКА

ИБ № 3792

Ответственный редактор Л. И. Гаврилова. Художественный редактор Е. М. Ларская. Технические редакторы Е. В. Пальмова и Г. Г. Рыжкова. Корректоры А. Н. Гриберман и Л. А. Рогова. Сдано в набор 29.04.80. Подписано к печати 02.10.80. А09756. Формат $60 \times 90^1/_8$. Бум. для глуб. печ. № 1. Шрифт литературный. Печать глубокая. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 6,12. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1516. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Ж71 **Жизнь** и творчество А. А. Блока: Материалы для выставки в школе и детской библиотеке/ Составление и вступительная ст. С. Т. Овчинниковой.— М.: Дет. лит., 1980.— 63 с., фотоил. (Выставка в школе).

40 к.

Материалы для выставки в школе и детской библиотеке издаются к 100-летию со дня рождения А. А. Блока.

$Ж\frac{70803-513}{0101(03)80}477-80$

ББК 83.3Р1
8Р1

